

Дай

Врагуни
Тырлар

Этот роман — настоящее пиршество для интеллектуалов. Книга для тех, кто стремится к познанию, кого терзают вопросы бытия.... Вы не найдете здесь банальных ответов на тему в чем же все-таки заключается смысл жизни, однако, несомненно, книга даст толчок для размышлений и дальнейших поисков. Всем, кто вечно жаждет новых откровений и готов к поиску, добро пожаловать в Рай, который на самом деле ад.

Владимир Гурвич

Рай

Познание горько: кто
глубже всех познал,
Тот плачет над
роковой истиной —
Древо познания не
есть древо жизни.

Лорд Байрон

*Из-за того, что
истина нам кажется
такой невероятной, мы
избегаем ее познание.*

Гераклит

*Настоящий путь
открытий не в поиске
новых пейзажей, а в
приобретение новых
глаз.*

Марсель Пруст

Часть первая

Глава 1

Это был самый печальный год моей жизни, год крушения всех моих надежд. Все началось с развода. Наш брак с Мариной давно шел к своему краху, хотя я все же до самого последнего момента надеялся на то, что каким-то чудом удастся сохранить этот союз. Но то, что должно случится, непременно случится, и она подала на развод. Ни уговоры, ни мольбы, ни обещания ничего не действовали, она была непреклонна, как уверенный в своей правоте инквизитор, и довела это дело до логического финала.

Для меня это был не просто крах моей семейной жизни, это был крах самих ее основ. Моя любовь к жене однажды вспыхнула, как факел, и с тех пор накал пламени ничуть не ослабел. Но если в начале жар огня воспламенял и ее, то со временем она загоралась от него все меньше и меньше. Было много причин, почему это происходило, но я не стану их тут препарировать, подобно патологоанатому заниматься их вскрытием. Отношения между мужчиной и женщиной — квинтэссенция процесса установления мировой гармонии, И насколько трудно ее достичь ровно настолько же трудно создать прочную и

долговременную связь внутри пары. Внешние и внутренние обстоятельства без конца разъедают связывающие двух людей шарниры, и в этих условиях сохранить устойчивость конструкции крайне затруднительно. А я к тому же слишком много хотел получить от нашего брака, мне хотелось какой-то великой любви, какого-то неземного единения. Обычная супружеская жизнь с ее мелкими, как речушка, радостями, казалась мне скучной и бессмысленной, стоило ли ради этого затевать подобную канитель. Но чтобы мои устремления могли воплотиться в жизнь, требовалась обоюдное желание, одинаковое понимание целей и средств. А это возможно, когда сердца и души бьются в унисон, когда они, подобно инструментам в оркестре, выводят одну и ту же мелодию. Я же долго принимал иллюзию за действительность, пребывал в каком-то странном пьяном угаре, хотя в то время практически не пил. Это случилось потом, когда она ушла, а тогда для того, чтобы испытать глубокое опьянение мне было вполне достаточно своих чувств. И я до сих пор убежден, что никакой алкоголь, ни какой наркотик с этим ощущением неземного счастья и блаженства не сравнится.

Но теперь все это было в другой жизни, той жизни, которую я лишился. О, я хорошо понимал Марину, понимал, что она устала, что быть

постоянно в разгоряченном эмоциональном состоянии невозможно. Как невозможно всю жизнь ходить с высокой температурой. Это изматывает, как марафонский забег. Но в том-то вся и штука, что без этого марафона я чувствовал себя глубоко несчастным, лишенным нечто очень важного, без чего существование утрачивает свой сокровенный смысл. Глубину моего отчаяния трудно передать словами. Да и есть ли слова, способные это сделать, мне так представляется, что для этого нужно придумать специальную терминологию. Думая о языке, я в то время пришел к выводу, что он далеко не отвечает выразительным потребностям людей, он чересчур беден и скуден, рассчитан на отражение неглубоких эмоций среднего человека. Тоска, грусть, печаль — все эти термины не отражает подлинных чувств, не отражают тех процессов, что проистекают в глубинах души.

Впрочем, это я так увлекся, я далеко не уверен, что мои переживания представляют общественный интерес, людей увлекает лишь то, что происходит на поверхности, чувства сильные, но не глубокие. Я же внешне старался ничем не проявлять своего отчаяния, так как давно пришел к убеждению, что никого оно не волнует, каждый плескается в собственном ручье, а шторм на море оставляет его равнодушным. Главное, чтобы волны не перескакивали, подобно резвым скакунам, берег

и оставались в тех пределах, кои отведены им природой. А потому я молчал и лишь изредка внутренний напор воды прорывал дамбу моего молчания. И тогда некоторые из моих друзей, которые становились свидетелями этой бури, начинали понимать, что же на самом деле происходит со мной. Но их неуклюжие попытки утешения лишь ухудшали ситуацию, обостряли мое одиночество, которое становилось тотальным. Я лишь яснее постигал ту истину, насколько далек я от них, какое гигантское расстояние нас разделяет. И это было по-настоящему ужасно, я не мог отделаться от ощущения, что мне нет места на этой планете. Я ходил по улицам города, в котором родился и в котором прожил всю жизнь, и ясно понимал, что я тут чужой. Если раньше все тут мне было близким, все моим, то теперь все далеким, все противостояло мне, как вражеское войско. Это состояние застало мне врасплох, я был не готов к нему. Более того, еще недавно я подсознательно был уверен, что никогда не окажусь его пленником. Но теперь, когда это случилось, я не знал ни что делать, ни куда идти. Все знакомые, протоптанные дороги и дорожки, словно бы заросли густой травой и стали непроходимыми.

Это состояние продолжалось не день и не два, а плавно перетекало из месяца в месяц. И в моем сознание все отчетливей отпечатывалось ощущение

его неисчерпаемости, что его потенциал настолько велик, что хватит мне под завязку. Но в таком случае, как жить, если ты находишься под таким невыносимым гнетом?

Впрочем, была у меня одна надежда, что удастся развеять этот сгустившийся надо мною черный туман. Почти через полгода вышел мой роман. В этот роман я вложил все, что мог, все свои интеллектуальные и духовные силы. Я ясно сознавал, что ничего лучше в обозримом будущем написать не смогу. А потому с нетерпением ждал, когда книга появится на прилавках и к ней, как я был уверен, устремятся потоки покупателей. И вот свершилось, тома в красивой обложке можно было увидеть в любом книжном магазине.

Каждый день я заходил в несколько из них, вставал неподалеку от того места, где лежали мои книги и наблюдал за реакцией посетителей. Но к моему удивлению, шли дни, а горки книг почти не уменьшались в размерах, покупательский поток обходил их стороной, как зачумленный барак.

Я не мог понять, почему не раскупается мой роман. Я несколько не сомневался в его достоинствах, ведь я его писал не чернилами, а кровью, вкладывал в него всю свою израненную душу. Это был мой ответ тому миру, который так жестоко поступил со мной. Но мир этот ответ не спешил узнать, он его интересовал крайне мало.

Люди приобретали самые разные книги, а вот моя их явно не волновала.

И однажды наступил день, когда я не пошел в книжный магазин, я больше не желал смотреть на эту удручающую картину. И когда мне позвонил мой издатель и пригласил приехать к себе, я не удивился, я предчувствовал, о чем пойдет разговор.

По крайней мере в этом я не ошибся, хотя это было и крайне слабое утешение. Издатель встретил меня почти враждебно, ему было явно неприятно меня видеть. Когда мы вели с ним переговоры об издание моей рукописи, он выражал сомнение, что она будет иметь коммерческий успех. Я же был настолько в этом уверен, что поднял его на смех и даже открытым текстом заявил об его некомпетентности. Это, наверное, и убедило его пойти на риск и напечатать произведение весьма большим тиражом.

Разговор получился неприятным и резким. Роман продавался крайне слабо, и многие магазины требовали изъять экземпляры книг. Издателю это грозило большими убытками, и его раздражение выплескивалось волнами на меня. Я тоже ощущал себя взвинченным. Если читатели не покупают мои книги, тем хуже для читателей, это лишь наглядно свидетельствует об их низком интеллектуальном и эстетическом уровне.

Но этот аргумент лишь сильнее распалаял

издателя, он корил себя за то, что подался на мои уговоры, а меня за то, что я вообразил себя гением. Но миру нужны лишь признанные гении, а от не признанных только одни убытки.

Все кончилось большим скандалом и я в ярости выбежал из издательства. Но едва накал эмоций несколько поутих, во всей своей остроте встал вопрос: что делать дальше? Желание писать что-то еще у меня полностью отсутствовало, И я знал, что оно, если и появится, то очень не скоро; я потерял смысл этого процесса. По дороге я заглянул в книжный и увидел стопку своих не распроданных книг. Да, все так и есть, ничего не изменилось и уже ничего не изменится. Это было настоящее фиаско, жизнь разбилась на осколки, как сброшенный с высоты кувшин.

Я метался по квартире в поисках выхода, хотя знал, что выхода нет. Я не тот человек, который может жить обыденностью и повседневностью, мне подавай высший смысл, высший накал страстей. Без этого все теряет для меня значение. А только что я лишился последней надежды.

В моем компьютере был уже почти написан новый роман, который я надеялся, что будет издать после успеха предыдущего. Но теперь он никогда не будет востребован. Я стер весь текст. То, над чем я работал столько времени, исчезло за считанные секунды. На миг мне стало тяжело и безмерно

грустно. Но только на миг. О чем грустить? Это все никому не нужно, я больше не притронуся к клавиатуре, не нажму пальцем на ней ни на одну букву. С этой стороны моей жизни покончено раз и навсегда. Но вот на вопрос, какие стороны в таком случае в ней остаются, ответа у меня не было.

Это был конец, конец всему. Я понимал, что ни одного меня постигла такая участь, в истории подобных примеров тьма. Но мне от этого было ничуть не легче; что мне до других, когда плохо моей душе, которая бродит по неведомым просторам потерянная, лишенная твердой опоры.

Но при этом меня совсем не тянуло к самоубийству, одна эта мысль вызывала отторжение, я гнал ее, как бешенную собаку. Мне трудно было понять причины такого поведения, как будто бы я на что-то надеялся. Но надежд не было никаких, впереди был лишь беспросветный мрак.

Так продолжалось довольно долго. И хотя считается, что время лечит, я не чувствовал на себе ее целебных свойств. Разве только несколько притупилась острота ощущений, вместо колющих ударов они стали тупыми и плоскими.

Большую часть времени я ходил по улицам, заходил в пивные и рюмочные, подбадривал себя в них очередной дозой спиртного. Я никогда не был алкоголиком, пил весьма умеренно, мог вообще

довольно долго обходится без крепких напитков. Когда мне было хорошо, я не испытывал большой потребности в них. Но сейчас возникла принципиально иная ситуация, водка, пиво, вино восполняли во мне ту гигантскую пустоту, которая образовалась внутри меня и заполняла все мое существо. С каждым днем я все глубже погружался в этот алкогольный дурман. Сперва я был уверен, что это всего лишь временно необходимая анестезия против душевной боли и скоро необходимость в ней отпадет само собой. Но я не заметил, как втянулся в это занятие, как приобрело оно власть надо мной, стало потребностью и смыслом существования. Если бы мне раньше сказали, что я за короткий отрезок времени превращусь в самого настоящего выпивоху, я бы только рассмеялся — так нелепо бы прозвучали эти слова для моего слуха. Но теперь они становилось реальностью, я находил все больше удовольствия в самом процессе питья, который подчинял все остальное, диктовал ритм и характер моей жизни. Я стал подумывать о том, что не добавить ли мне к моему меню еще и наркотики. Если уж я хочу в полной мере получить всю гамму новых ощущений, то нет никакой причины отказываться от этого допинга.

И однажды я решился. У меня был приятель про которого я точно знал, что он употребляет

наркотики. К нему-то я и направился.

Моя просьба не вызвала у него ни малейшего удивления, наоборот, он ее горячо одобрил. По его мнению, это был лучший из всех возможных на землей путей. Был ли я с ним согласен? В тот момент я даже не задавался этим вопросом, он потерял для меня актуальность и интерес. Я быстро катился вниз, и этот спуск неожиданно оказался очень приятным. Он не требовал усилий, в каком-то смысле он сам давал мне их, чтобы катиться вниз дальше. Ведь, согласно законам физики, когда предмет скатывается по наклонной плоскости, он приобретает дополнительную силу и ускорение.

Мой опыт приобщения к сладкому миру наркомании оказался угрожающе успешным. После нескольких затяжек начался полет в состоянии невесомости. Тело не просто утратило вес, оно вообще исчезло, словно бы его никогда и не было. Я несся сквозь пространство и время, с каждой секундой отдаляясь от привычного мне мира.

Таких прекрасных ощущений я еще не испытывал, мир, в котором я находился, не имел ничего общего с земным. Он был легким и воздушным, в нем не было ни запретов, ни разочарований, ни тяжелого повседневного труда. Это было то самое счастье, то самое состояние, которое я тщетно искал в творчестве и любви.

По возвращению из моего путешествия у нас

состоялся с приятелем разговор. Он с интересом наблюдал за тем, как я прихожу в себя.

— Ну как? — спросил он.

— Я в восторге. Жалею, что раньше не принимал наркотики. Тот мир, в котором я пребывал, нельзя и близко сравнить с тем, в котором мы все находимся.

Он кивнул. Но что-то в его кивке меня насторожило. Как будто бы соглашаясь со мной, он оставлял пространство и для не согласия.

— Вопрос в цене, — заметил он. — Ты возвращаешься оттуда и этот мир кажется тебя еще хуже. И таким он будет представляться постоянно, по мере того, как ты будешь все сильнее втягиваться в это состояние. Не забывай о том, что плата за вход в него очень дорогая, рано или поздно, ты потеряешь все, что тут имеешь: деньги и здоровье, начнутся психические отклонения. Стоит ли все это такой жертвы?

— А как же ты?

— Я умею останавливаться, я ухожу в тот мир только ради любопытства, а не ради забвения. Мне хорошо и в этом мире и в том. Я их не противопоставляю, а дополняю. А ты совсем иначе ко всему относишься, ты человек крайностей и стихии. Если ты увлечешься наркотиками, то для тебя это скорый конец, ты не освободишься из под их власти. Но проблема в том, что ты не сможешь

навсегда уйти в тот мир, наркотики это не позволяют сделать. Они заманивают им, а затем превращают в ад жизнь на этой грешной земле. Ты почувствуешь зависимость от них и не сумеешь от нее избавиться, вместо свободы ты станешь рабом. Вот о чем следует тебе поразмышлять на досуге, прежде чем с головой бросаться в этот омут. Уверяю, ты найдешь на его дне совсем не то, что ищешь. Я всегда помогу тебе нырнуть, но если ты захочешь когда-нибудь выбраться из него, я тебе не помощник. И никто не помощник, все придется делать тебе самому.

Слова приятеля повергли меня в растерянность. Только что я обнадежился тем, что нашел наконец лекарство от недуга бытия, а безжалостные, но абсолютно справедливые речи моего собеседника вывели меня из сладостного заблуждения. Конечно, можно было не обращать на них внимания, но я еще не дошел до такого состояния, когда ум отключился полностью. И он повторял мне снова и снова, что надо прислушаться к этим разумным словам.

Я ушел от приятеля, зная, что не больше переступлю порог его дома. Там царил соблазн, который однажды обернется страшной бедой. А страдать я не хотел, одно дело быстрая и легкая, как облако на небе, смерть, и другое дело — медленное и мучительное угасание, сопровождаемое

прогрессирующим распадом личности и тяжелыми физическими недугами.

Ко всем бедам прибавилась еще одна — у меня стремительно кончались деньги. Однако одна мысль о том, что надо искать работу, ходить в какую-то контору вызывало во мне содрогание. Это было ничуть не лучше наркотической зависимости и вело к точно такому же распаду моей личности. Мне всегда была отвратительна мысль работать только для того, чтобы поддерживать свое брэнное существование, это был тот абсурд, который я не мог внутри себя преодолеть. Но больше зарабатывать писательским трудом я так же не желал, с этим покончено, как с очень вредной привычкой. У меня имелись кое-какие драгоценности, оставшиеся мне в наследство от матери. Если их продавать, то можно протянуть еще несколько месяцев. Но вот что делать дальше, я не представлял.

Но при этом мною владело странное состояние или предчувствие, я словно бы ждал какого-то чуда, которое поможет решить все мои проблемы. Все это было, разумеется, глупо и нелепо, так как я отлично сознавал, что на всем земном шаре нет ни одного человека, которого я бы интересовал, кто захотел бы мне помочь. Хотя как мне можно помочь, я не представлял. Вопрос совсем не в деньгах, а в ином, в том, что моя жизнь

утратили смысл. А кто кроме меня, мог бы ей его вернуть. Никто. Но и я не знал, как совершить такой гераклов подвиг.

И все же интуиция меня не подвела, чудо произошло. Хотя по началу я не знал, что это чудо или эквивалентная его замена. Просто раздался телефонный звонок и приятный молодой женским голос сообщил, что меня хочет видеть Михаил Анатольевич Мачин.

Всем живущим в нашей стране не надо объяснять, кто такой Мачин, хотя об этом человеке достоверно известно весьма мало. Один из самых состоятельных наших сограждан, владелец нескольких крупных компаний. Но прославился он не столько этим, а сколько своим необычным поведением, странными взглядами на жизнь. Он являлся генератором целой серии необычных проектов, о которых много писали и говорили по началу, а затем, словно по велению какого-то невидимого дирижера, внезапно и дружно забывали. И никто не знал, по крайней мере среди широкой общественности чем завершались эти начинания.

Что же касается непосредственно меня, хотя этот человек вызывал у меня любопытство, я никогда не был с ним не только знаком, но и не делал попыток познакомиться. Мне было известно, что Мачин не раз помогал моим коллегам-писателям

издавать их романы. Кажется, с этой целью он даже учредил какой-то фонд. Какими критериями он руководствовался при выборе произведений, понять я был не в силах. Я прочитал некоторых из них, они были самых разных жанров и направлений, некоторых весьма талантливые и новаторские, другие иначе как упражнениями в графомании назвать было трудно. Было бы не правдой сказать, что я много ломал голову над этой загадкой, в конце концов, каждый имеет право на самореализацию в этом мире, какую бы неожиданную форму она бы не приобрела. Я не сомневался, что в том, что делает этот миллиардер, есть своя система, но ее разгадывать совершенно не хотел. Тем более известно, что у богатых свои причуды и нет никакого смысла проникать в извилистые лабиринты сознаний этих людей.

Но сейчас, когда раздался звонок от Мачина, я встрепенулся. Я не знал, зачем ему понадобился, но во мне родилась неясная надежда на какие-то перемены. Человек, потерявший смысл жизни, хватается на любые соломинки и в последнее время мои мысли интенсивно работали над тем, что искали для меня новые сферы применения. И звонок Мачина был весьма кстати. Правда, я не представлял, откуда ему известно про меня. Конечно, он мог прочитать одну из моих книг, но почему-то этот вариант казался мне

маловероятным. Зачем ему мои жалкие творения, дружно и решительно отвергнутые публикой и критикой. Есть столько признанных авторов, чьи имена у всех на слуху.

И все же давно я так не летел по городу, у меня было полное ощущение, что за моей спиной выросли крылья. Я не мог отделаться от ощущения, что для меня это последняя надежда, последний шанс.

Когда я подошел к штаб-квартире Мачина — огромному современному билдингу меня вдруг охватил страх. Человек, который владеет таким зданием, который повелевает тысячами людей не может интересоваться такой мелкой букашкой, как я. Это какая-то ошибка, произошла путаница, меня тут никто не ждет.

Но меня ждали. Едва я робко назвал стоявшей за стойкой у входа очень красивой девушке с внешностью голливудской кинозвезды свою фамилию, как понял по ее выражению, что она ей известна. Девушка немедленно куда-то позвонила и попросила меня подождать. При этом поинтересовалась, какой напиток мне принести. Мне хотелось соку, но я, сам не понимаю почему, буркнул, что выпью воды.

Через полминуты хрустальный стакан с водой стоял передо мной. Но выпить его я не успел, появился какой-то молодой человек в

безукоризненном, словно английский лорд в костюме, и учтиво пригласил меня следовать за ним.

Бесшумный скоростной лифт вознес нас куда-то по ближе к небесам. Когда его створки распахнулись и я вышел из подъемника, то мои ноги чуть ли не по колено утонули в мягком ворсе ковра. Мы шли по длинному узкому коридору, как по воде, не издавая никаких звуков.

Приемная Мачина в несколько раз превосходила по площади мою квартиру. Сидевшая за столом секретарша нисколько не уступала в соревновании на обладание голливудских стандартов той, что встретила меня внизу. Я невольно подумал, что других девушек тут, наверное, не держат.

Дверь кабинета хозяина этого царства роскоши и красоты распахнулась и меня пригласили войти. Мачин вышел из-за стола и двинулся мне на встречу. Он был точно таким, как на фотографиях, которые обильно печатали самые разные по профилю и направлениям журналы. Разве только глаза казались другими, не такими добрыми, как на глянцевых страницах. Я почувствовал всю их жесткость и решительность. И мне вдруг стало как-то не по себе, мои надежды на лучшее внезапно улетучились, как пары эфира.

— Добрый день, Леонард Алексеевич, —

поздоровался Мачин. Он не стал мне подавать руки для рукопожатия, а вместо этого показал на кресло.

Я сел, он устроился напротив меня, приняв вальяжную полулежачую позу и, положив ногу на ногу.

— Давайте с вами условимся обходиться без церемоний, — предложил он. — Я многое знаю про вас. Хотите что-нибудь поесть?

Предложение было неожиданным, но весьма своевременным. Как раз вчера у меня закончились деньги и утром пришлось обойтись без завтрака. И в животе у меня что-то периодически булькало и стонало. Что ж, без церемоний, так без церемоний.

— С удовольствием что-нибудь съем.

Мне показалось, что мои слова понравились Мачину. Он вдруг поднялся, вышел в какую-то дверь и вернулся буквально через полминуты, катя впереди себя сервировочный столик. Он был весь уставлен яствами и напитками.

— Угощайтесь, — предложил он.

— А вы? — осмелел я.

— С удовольствием бы, но у меня диета. Ешьте и не думайте ни о чем, у нас с вами достаточно времени. Я бы даже внес уточнение: у нас его ровно столько, сколько нам с вами потребуется.

Я испытывал большой соблазн спросить, на что же он намерен потратить наше с ним

совместное время, но решил не торопить события, а заняться едой.

Я ел и разглядывал человека, устроившего для меня этот пир. На вид ему было лет шестьдесят, среднего, даже скорей невысокого роста, немного полноватый. Лицо умное и тонкое, но уже немного оплывшее. Я жевал и размышлял о том, каково это быть человеком, для которого нет ограничений в желаниях. По крайней мере из тех, которые можно купить за деньги или получить, используя власть. Я же всегда пребывал в тисках, которые сжимали меня из-за отсутствия средств. Может быть, и Марина бы не ушла, если бы с материальной точки зрения все было бы у нас нормально. Она отнюдь не была корыстна, но денежные невзгоды периодически доводили ее до отчаяния и гнева. Впрочем, сейчас мне было не до воспоминаний.

Я наелся и откинулся на спинку стула. Я не знал, что последует дальше, но сейчас мне было хорошо. И как же мало надо человеку, чтобы почувствовать себя счастливым. Или по крайней мере приблизиться к этому состоянию.

— Вы наелись? — почти ласково спросил меня Мачин.

— Да, большое спасибо.

— Было бы за что, — усмехнулся он. — Это самое ничтожное, что я могу для вас сделать.

— Вы хотите для меня что-то сделать еще?

Мачин как-то странно посмотрел на меня и улыбнулся.

— И да и нет. Все зависит от того, как на это посмотреть. Хочу попросить у вас прощение, Леонард Леонардович.

— За что? — удивился я.

— Дело в том, что в последнее время по моему заданию вашу жизнь пристально изучали. Мне многое известно о вас.

Это было более чем неожиданное сообщение. В первые мгновения я даже не знал, как на него реагировать.

— Но зачем вам это понадобилось, моя жизнь ничем не примечательна и ничем не интересна. Обыкновенный обыватель.

— Ну это, как посмотреть, — живо не согласился Мачин. — На мой взгляд, в вашей жизни очень много интересного. Гораздо больше, чем в моей.

— Такого не может быть, вы руководитель огромной империи...

Мачин, не давая мне продолжить, махнул рукой.

— Это так думают не посвященные. А знали бы, насколько монотонна мое существование, все отлажено, как работа швейцарских часов. А вот у вас по-настоящему бурная жизнь, в которой нет никакого плана, никакой запрограммированности.

Уж извините, если я коснусь некоторых ваших болевых мест.

— Касайтесь, чего уж там, — великодушно разрешил я.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Я знаю, как вы любили свою жену, в этом заключалось даже что-то не здоровое. Уж слишком вы были неистовы в своих чувствах.

— Может быть. Но уж такой я.

— Разумеется, — кивнул Мачин головой, — все мы рабы своего характера. Но ведь такое потрясение трудно пережить. И даже по вашему виду заметно, как вам до сих пор тяжело.

— Предположим. Но я не понимаю, смысл обсуждения моих семейных проблем. До сих пор я полагал, что они касаются исключительно меня.

— Вот вы и обиделись. Извините.

— Я не обиделся, я не понимаю, к чему это все?

— Наберитесь терпения, скоро поймете. Вы согласны продолжать наш разговор?

— А если я не согласен, что последует?

— В таком случае вы никогда не узнаете, зачем я затеял этот разговор. Вам решать.

Я колебался недолго, любопытство победило все другие мотивы.

— Давайте продолжать.

— Я был уверен, что вы так поступите. И

правильно сделали. Скажите, уход жены — это был сильный удар.

— Сильный.

— У вас не возникло, например, стремление к самоубийству?

— Нет. У меня отсутствует суицидный синдром. Я переживаю все по-иному. — Пожалуй, отвечая на этот вопрос, я был не до конца искренен.

— И замечательно, — одобрил мой собеседник. — Мне никогда не нравилось самоубийство, как способ решения собственных проблем. Мы даже не знаем, что будет с нами там, — посмотрел Мачин в потолок, — после такого поступка. Многие считают, что ничего хорошего такому человеку после этого не светит.

— Может быть, там я еще не был, но могу сказать, что здесь после ухода Марины мне было не сладко.

— Я знаю, вы однолюб, это тяжелое бремя. Может быть, самое тяжелое на земле, которое выпадает человеку.

— Думаю, вы правы.

— А я не думаю, я это точно знаю. Вам дальше будет только хуже. Другие утешаются, находят замену, а вы даже не ищите, вы упиваетесь своим несчастьем, вы живете им, как актер своей ролью.

— Я ничего с собой не могу поделать.

— И не надо, будьте таким, какой вы есть, — вдруг даже излишне горячо провозгласил Мачин. — Вы мне подходите именно таким.

— Подхожу? — удивился я.

— Именно так. Но давайте обо всем по порядку. Закончим с вашей супругой, то есть бывшей супругой и перейдем к другой теме. Вы не возражаете?

— Мы уже зашли так далеко, что уже бесполезно возражать.

— Мне нравится ваш подход. Поверьте, правильный подход — залог успеха в любом деле. Вы представляете, что вас ждет? Чем дальше, тем больше вы будете тосковать по вашей жене. Другие забывают, а у вас, наоборот, воспоминания, с ними и переживания, только усиливаются. С таким устройством психики жить крайне трудно.

— У вас никогда не возникало желание поработать психоаналитиком? — Я понимал, что с моей стороны сказать такое Мачину было настоящей дерзостью, но и удержаться я тоже не мог.

Мачин рассмеялся.

— Представьте себе много раз. Да в каком-то смысле я им и являюсь. Просто я выражаю себя в этой сфере по-другому. И со временем вы поймете как. Но мы немного отвлеклись на мою особу, а речь идет о вас. Я не завидую вам, такую жизнь не

пожелаешь и врагу. Тосковать по любимой женщине день за днем, месяц за месяцем, год за годом. Такое испытание способны выдержать не многие. Вы способны?

— Не знаю, — хмуро ответил я. — Но что это меняет, я же ничего не могу изменить.

— А вот с этим решительно не согласен, нет ни одной в жизни вещи, которую нельзя было бы изменить. Разве что невозможно уйти от смерти. Да и по большому счету, кто знает. И что вообще такое смерть?

— Ничего хорошего.

— Но и ничего плохого. Разве вы не согласны с таким определением?

Я, скрипя сердцем, согласился.

— И все же, любить без любимой. Я бы не хотел попасть в такой переплет, — проговорил Мачин.

— Я уже попал.

Мачин задумчиво взглянул на меня, но никак не прореагировал на мою последнюю реплику.

— Я внимательно прочитал вашу последнюю книгу, — вдруг произнес он.

Я удивленно взглянул на Мачина, такого подвига я от него не ожидал.

— Это мой полный провал.

— А что вы хотели. В наше время писать о душе, о том, как она тоскует и алчет чего-то

возвышенного напрасное занятие. Людей привлекают совсем другие темы. Человечество летит в пропасть, грубый материализм стал его знаменем. Деньги, секс, грубые и примитивные развлечения практически полностью заполонили нашу жизнь. Такого могучего потока отрицательных энергий не было уже давно. А мы по неведению генерируем и генерируем все новые ее порции, даже не задумываясь, какая катастрофа нам грозит. Нет, ваша книга никак не могла иметь успех.

— Она и не имела.

— Я вижу, как это вас удручает, — сочувственно произнес Мачин.

— Удручает скорей иное, что делать дальше? От писательства я отныне отрезан, никто больше не издаст ни одной моей книги.

— Никто не издаст, — охотно согласился Мачин. — А ведь это ваше призвание. Только вы писатель будущего, современности вы не интересны.

— Выходит, мои читатели еще не родились на свет.

— Увы, подозреваю, что даже их родители еще появились на свет. Да и родители родителей...

— Что же тогда делать? Так долго мне не протянуть. Вы доказали мне, что ничего кроме самоубийства не остается.

Мачин поморщился.

— Но мы же с вами установили, что это не ваш путь. Зачем же вступать на него.

— Но где тогда мой, по какому пути я могу идти?

— Вот это тот вопрос, к которому мы с вами и шли. Хотите что-нибудь выпить, прежде чем мы попытаемся на него ответить?

— Пожалуй.

— Любой напиток в вашем распоряжении.

— Тогда коньяк. — Прямо передо мной стояла бутылка французского коньяка, из него я и плеснул себе в стакан.

Мачин внимательно наблюдал, как я смаковал коньяк.

— В последнее время вы много пьете, — заметил он.

— Есть такой факт. А что еще делать? Я был бы рад много спать. Но не получается.

— Действительно, делать вам больше нечего. Скажите, что вас удерживает или связывает с этой жизнью?

Я ответил, почти не задумываясь.

— Ничего.

— Вот и я думаю, что по большому счету ничего. Так, привычка пребывать на белом свете. У каждого человека много таких привычек, без чего ему кажется жизнь невозможна. Но если

разобраться, то на самом деле от них совсем не трудно отказаться. Просто нужно немного решимости. Как вы полагаете?

— Предположим. — Я никак не мог понять, куда же он клонит.

— Предположим, — задумчиво повторил вслед за мной он. — Нет, это плохой ответ, надо знать точно.

Я пожал плечами.

— Если вам так угодно: с этим миром меня ничего не связывает, а привычки в моих глазах ничего не стоят. Когда-то их не было, потом они появились, но это лишь означает, что их когда-то снова не станет.

— Вот это действительно настоящий ответ, — обрадовался Мачин. — Наконец мы пришли к той точки, с которой можно идти дальше прямо к цели.

— И куда же вы хотите, чтобы мы бы отправились?

— Давайте подведем некоторые итоги, подведем черту под вашей жизнью.

Это предложение мне не очень понравилось. Я все же еще ни при смерти. Но возражать не стал. Итоги, так итоги, черту, так черту.

— Я готов.

— Мне очень приятно, что мы идем с вами так быстро в правильном направлении, — сказал Мачин. — Итак, ваша жизнь потерпела крушение,

идеалы растоптаны, все планы и надежды разбиты. Любимая женщина ушла навсегда, писательская карьера не задалась. А ничем другим вы заниматься не желаете. Да если бы вы желали, ничего другого вы не умеете делать. Я все верно сказал?

Я молча кивнул головой, так как говорить не хотелось.

— Отсюда встает вопрос, — продолжил Мачин, — что делать дальше? И вообще нужно ли что-то делать? Мне кажется, что делать вам больше совершенно ничего не хочется. И не потому что вы ленивы, даже и мысли такой нет, а потому что не видите смысла. Все равно это не будет востребовано.

— Все так оно есть, — вынужден был ответить я на вопросительный взгляд Мачина.

— Тогда возникает вопрос: зачем вам такая жизнь? И не хотите ли вы ее кардинально поменять?

— И на что я должен ее поменять?

— Вот мы подошли и к тому, ради чего состоялась эта встреча. Леонард Алексеевич. Наверное, вы давно задаете себе вопрос, зачем я вас пригласил?

— Было бы странным, если бы не задавал.

Мачин рассмеялся. Но почти тут же вновь стал серьезным.

— Не сомневаюсь, что вы многое слышали

обо мне самого разного.

— Это так.

— Конечно, пишут много всякой ерунды, но иногда пишут и что-то похожее на правду. И вам известно о моей страсти ко всяким необычным проектам.

— Кое что я об этом читал.

— Вот видите, это хорошо, что вы в курсе. Это облегчает мою задачу. Расскажу вам о проекте, который я назвал «Рай».

— «Рай»? — удивился я.

— Именно «Рай», — подтвердил Мачин. — Суть его элементарна проста: люди оказываются в раю. Не после смерти, если вас туда пустят, а прямо сейчас. Прекрасный климат, никаких забот, все желания исполняются немедленно. В общем, настоящая райская жизнь.

— И что же делать в этом раю?

— В том-то и дело, дорогой Леонард Алексеевич, что ничего. Абсолютно ничего не надо делать. Вспомните Адама и Еву, в Библии ничего не говорится о том, что они ходили на работу или вскапывали на огороде грядки. Они просто жили. Или, говоря по другому, занимались ничегонеделанием.

— Да, но затем их эта беззаботная жизнь была прервана.

— Разумеется, я знаю эту нравоучительную

историю. Но я надеюсь, что мы, как современные люди, умудрены опытом, и не позволим какому-то змею помешать нам наслаждаться райской жизнью.

Я пожал плечами, этот тезис вызывал во мне не то что не согласие, скорей я не знал, как к нему отнестись.

— Предположим. Но какое отношение ко мне имеет все это?

— Разве вы не догадались, я предлагаю вам отправиться в рай.

— Мне — в рай?!

— А чем вы хуже других. Я считаю, что вы как никто заслужили место в раю.

— Мне-то казалось всегда наоборот. У меня слишком большой послужной список грехов.

Мачин поморщился.

— У вас слишком примитивные представления о рае, внедренные в вашу голову религиозным воспитанием. Если люди и попадают в рай, то вовсе не за добродетели. Рай — это место для тех, кто хочет найти отдохновение от современного мира, кто способен разорвать связывающие с ним путы. В противном случае рай теряет всякий смысл.

Я молчал, переваривая сказанное.

— И все же, в чем заключается ваш замысел? — спросил я.

— По большому счету, ни в чем. — Мачин

посмотрел на меня. — Понимаю, вы удивлены? Я просто хочу дать заслужившим это людям возможность пожить в раю, пожить в мире, где нет ни забот, а значит, нет и тревог. Неужели вам непротивно от всего, что вас окружает, от тех людей, с которыми вынуждены сталкиваться вопреки своему желанию. И была бы цель, ради чего все это терпеть. Но, как мы с вами только что выяснили, такой цели нет. И не предвидится. Я прав?

— Да.

— Вот видите. Так что же вам мешает пожить в раю?

— Вы делаете мне предложение отправиться в рай?

— Именно так.

— И надолго?

— На всю оставшуюся жизнь. Это мое неперемное условие, назад, в этот мир вы уже не вернетесь.

Я сидел ошеломленный и растерянный. Такого исхода разговора я не ожидал.

— И где расположен этот ваш рай? Надеюсь, не на небе?

— Конечно, нет. Мой рай на земле. А вот где, вы никогда не узнаете. Это тоже входит в условие пребывания там.

— Но как же я тогда туда попаду?

— Об это мне стоит беспокоиться. Вам сделают усыпляющий укол, а когда вы проснетесь, то окажитесь в раю. Как вас туда доставят, это уж не ваша забота.

— Но что я там будут делать?

— Как что, жить и ничего больше, но и ничего меньше. День за днем, час за часом. В этом раю вечное лето. Купайтесь, загорайте, ешьте, сколько влезет. Придумайте себе другие занятия. Главное, никаких ни забот, ни хлопот.

— Но от такой жизни с ума сойдешь!

— А от вашей теперешней, вы с ума не сойдете?

— Не исключено, — вынужден был я согласиться.

— Так что же вас смущает?

— Не знаю. Это все очень неожиданно. Трудно на это сразу решиться.

— Я вас не тороплю, вы можете подумать. Как только надумаете, сразу же дайте знать. Если вы откажитесь, придется искать другого кандидата.

— Хорошо, я решу все быстро.

— Надеюсь, на положительное решение. Поверьте, для таких, как вы, лучшего варианта не придумаешь. Огромное количество людей были бы счастливы оказаться в таком месте в таких условиях. Но я предлагаю это вам. Жду с нетерпением вашего звонка.

Беседа была завершена. Я встал и вышел из кабинета.

Глава 2

Я вернулся домой. Меня переполняли мысли и чувства. Но разобраться сразу в этом клубке сомнений я был не в состоянии. Слишком уж неожиданным было предложение, слишком кардинально оно меня мою жизнь. И главное меняло навсегда, так как Мачин ясно сказал, что если я окажусь в создано им раю, то назад в наш ад уже не вернусь. Поэтому я решил успокоиться и попытаться понять, какой для меня заключен смысл во всем этом предприятии.

Я подошел к окну и стал смотреть на город. Я видел дорогу, по которой проносилась нескончаемая вереница машин, видел дома с огромным количество окон, видел идущих внизу людей. Неожиданно начался дождь, сильно похолодало, сильный ветер срывал листья с деревьев, как насильник одежду со своей жертвы. Открывшаяся мне картина мира была весьма неприглядна, жить в таком пространстве просто не хотелось. Даже воздух был какой-то прогорклый, наполненный ядовитыми испарениями и выхлопами мегаполиса. Казалось, что при каждом вдохе в организм проникает неисчислимое

количество вредных веществ, которые растворяются в нем, служат рассадником и возбудителем страшных болезней.

Я сел на диван и стал переваривать только что полученные впечатления. Как же все неприглядно вокруг, как все противопоказано жизни. Эта среда может вызывать у нормального человека лишь отторжение, в ней он испытывает огромные психологические перегрузки, его здоровье разрушается благодаря действию токсичных веществ и бесконечных нервных стрессов. Болезни, преждевременное старение — вот что ждет любого из нас. На наше счастье, подхваченные ежедневным потоком пустых событий, обычно мы не замечаем все эти воздействия, полагаем, что все так и должно происходить. Но это вовсе не означает, что мы не разрушаемся. И надо некий мощный толчок, чтобы нас выбросило бы из этой привычной колеи, мы могли бы посмотреть на все другими глазами и перед нами предстала бы подлинная картина нашего бытия.

Что связывает меня с этим миром и стоит ли жалеть о том, если будут перерезаны соединяющие нас нити? Чем больше я размышлял над этой темой, тем яснее осознавал, что если я исчезну из него, это не станет потерей ни для меня, ни для кого-то еще. Я ничего никому не должен и никто ничего не должен мне, я отказался от всех планов, расстался

со всеми надеждами. До разговора с Мачиным я готовился лишь к тому, чтобы каким-либо образом заполнять пустые дни и ночи. Когда-то меня волновал вопрос познания Вселенной, я страстно хотел понять существующие в ней взаимосвязи и смысловые цепочки, хотел приблизиться к разгадке того, зачем мы призваны сюда, в чем потаенное значение путешествия под названием жизнь. Но с некоторых пор у меня резко ослаб интерес к этим темам, я почувствовал, что этот поиск мне ничего не принесет, никак не облегчит мое существование, не заполнит образовавшуюся в ней пустоту. Я слишком далек от всего этого, а любопытство никогда не было способно решить ни одну проблему, это всего лишь один из способов времяпрепровождения. И рано или поздно себя полностью исчерпает. Так зачем же меня тянуть. Что меня ждет впереди, я не знаю, но предложение Мачина очень заманчиво. Оно позволяет наконец-то сделать то, о чем я мечтал все последние месяцы — уйти от себя как можно дальше. Я растворюсь в волшебной природе, с головой погружусь в теплый океанский прибой. Мое тело наполнится приятными ощущениями. Что еще нужно, чтобы ощутить себя хорошо?

Я продолжал думать и в голове у меня не возникало ни одного серьезного аргумента против сделанного мне предложения. Я исчезну из мира

незаметно, как будто бы никогда его и не посещал, никого не предупрежу о том, что больше в нем не появлюсь. И те немногочисленные знакомые, которые хотя бы чуть-чуть интересуются моей судьбой, будут безуспешно гадать о том, куда я делся.

Я подумал о бывшей жене, но затем решительно вытряхнул эту мысль из головы. Да, разумеется, ее удивит мое исчезновение. Но не более, в конце концов я для нее тоже чужой, и она быстро забудет обо мне, как уже забыла о проведенных совместных годах. Мы и так почти не видимся, так что вряд ли что-то изменится.

Я понял, что принял решение. Причем, принял решение еще тогда, когда выходил из кабинета Мачина. Ведь этот хитрец не случайно обратился ко мне, он был с самого начала уверен, что никуда я не денусь и отправлюсь в его рай. Он специально подбирает людей, которым нечего треть в современном обществе, которые, словно птенцы из гнезда, выпадают из него и летят вниз, прямо на жесткий и беспощадный асфальт.

Но я решил не торопиться с ответом, ничего не случится, если Мачин подождет до утра. А оставшееся время я посвящу прощанием с этим миром. Плохо или хорошо, но я прожил в нем не один год. Даже какой-то, хотя и не долгий период был счастлив, по крайней мере, в тот момент я так

полагал. Дальнейший ход событий и камня не оставил от этих ощущений, но это случилось уже потом. А тогда...

В общем я решил прощаться. Я вышел на улицу и пошел в прямом смысле, куда глядят глаза. Я смотрел на все, что окружало меня вокруг, и мое сердце сжималось от жалости и тоски. Но я знал, что это временное явление, и оно скоро пройдет. Было бы странным, если бы при своей чувствительности я бы оставался совершенно равнодушным и безучастным.

Я поймал себя на том, что всегда мною владело неясное предчувствие, что однажды со мною может случиться нечто подобное. На самом деле, Мачин при всем его богатстве и влиянии не более чем рука судьбы, не он, а некто несравненно более могущественный затеял этот эксперимент. Каких целей хотел он достигнуть, я не представлял, да и не шибко интересовался. Мое дело пройти свой путь до конца, а все остальное меня не касается.

Я вернулся домой поздно, в голове шумело, так как я довольно долго просидел в баре и изрядно выпил. Зато это помогло почти сразу заснуть, едва моя голова коснулась подушки. Мне ничего не снилось в эту последнюю ночь моего пребывания в этом городе.

Глава 3

Почему-то я был убежден, что меня отправят в «рай» тот час же, как я выражу на то согласие. Но Мачин к моему удивлению даже не стал со мной встречаться, лишь по телефону поздравил с правильным решением и попросил ждать звонка. Обескураженный, я отошел от телефона.

Потянулись дни, в течение которых я находился в каком-то странно-непонятном состоянии. Я уже не жил здесь, но и еще не был там. У меня совершенно пропал ко всему интерес, я слонялся то по квартире, то по городу, не зная, чем себя занять, как относиться ко всему, что происходило в моей жизни. За все это время я ни с кем не встретился, хотя обычно редко подавший голос мой телефон в этот период звонил на удивление часто. Позвонили даже из одного издательства с предложением начать переговоры об издании моего старого романа. Эта была первая моя книга, на мой взгляд весьма неудачная. И почему они вспомнили о ней, я не мог понять. Но к моему же удивлению их предложение меня несколько не заинтересовало, я не видел никакого смысла в том, чтобы этот мой труд вновь бы обрел бумажную плоть. Меня больше не волновали ни успех, ни деньги, все это осталось где-то позади, в другой моей жизни. Только теперь я постиг, какая крутая

перемена вдруг случилось со мной за такое короткое время. Я словно бы перечеркнул все, что было раньше и думал только об одном, что меня ждет впереди. Мой отказ вести с издательством переговоры изумил его сотрудников, по началу они даже в это не поверили и перезвонили на следующий день. Но я лишь подтвердил свою прежнюю позицию. И внезапно ощутил небывалое облегчение. Такого чувства я еще не переживал, мне удалось сбросить с себя тяжкий груз привычных представлений, которые намертво связывают нас с обычным существованием. Мне стало так легко и смешно, что я долго смеялся. Теперь даже ожидание приглашения отправиться в «рай» меня перестало тяготить, я нисколько не сомневался, что оно последует. А днем раньше, днем позже, какая разница.

Теперь я проводил время, сидя перед экраном телевизора. Еще недавно я считал телевидение едва ли не главным врагом человечества, дьяволом, которого оно же само и создало. Эта была гигантская машина по оглушению миллионов людей, апофеоз человеческой пошлости, глупости и корысти. И потому я крайне редко включал этот ящик, только для того, чтобы узнать какие-нибудь важные новости. Но сейчас я смотрел все подряд, от сериалов до передач для цветоводов и беременных женщин. Я смеялся над тем

бесконечным потоком глупостей, который лился с экрана. Но меня это больше нисколько не коробило, мне было абсолютно все равно. Если людям так нравится ощущать себя идиотами, зачем им отказывать в этой милости. Пусть ощущают, значит, ничего иного они не заслуживают. А я скоро окажусь там, где ничего этого не будет.

Я даже перестал пить, вино вдруг стало вызывать у меня отторжение. Я удивлялся, как это раньше мог поглощать его в немереных количествах, удивлялся, что мне нравилось пьяное состояние, когда сознание переходило в какое-то иное, не подвластное мне измерение. До чего же слабы и убоги люди, коли ищут утешение своим невздам с помощью таких примитивных средств. По сути дела пьянство — тоже самое телевидение, только функционирующее по иным физическим законам. Но задачи выполняет аналогичные.

Звонок, который я ждал, раздался под вечер. Я смотрел очередной сериал и так увлекся разворачивающимися событиями, что даже не хотел идти к телефону. Но все же переселил себя.

— Вы готовы? — спросил меня Мачин. — Завтра вы отправляетесь в рай.

— Готов и с нетерпением жду этого момента.

— Вот и замечательно. Я рад, что в вас не ошибся. Ровно в девять утра за вами заедет машина. Да, кстати, не берите никаких вещей, вы же

понимаете, в раю они не понадобятся.

— А я и не собирался ничего брать.

Вы правильно ко всему относитесь. Такое бывает не часто, похвалил меня Мачин. На этот разговор наш завершился.

Я вернулся на прежнее место и продолжил смотреть сериал. В данный момент меня радовало то, что разговор с Мачиным оказался очень коротким, и я практически не пропустил развития сюжета. Ведь больше сериалов я смотреть не буду.

Я досмотрел фильм, затем переключился на другую передачу. Поужинал. Удивительно, но в моей голове не копошились ровным счетом ни какие мысли, она была чистая, как у новорожденного. Мне это нравилось, было бы печально, если бы я начал сейчас переживать. Поэтому я спокойно лег спать и быстро заснул.

Пробудился я утром. Я посмотрел в окно и увидел, что уже светло. Часы показывали пол восьмого, значит, прожить в этом мире мне оставалось полтора часа. Я застелил аккуратно кровать, что делал далеко не всегда, умылся, и отправился на кухню завтракать. Пока я производил все эти манипуляции, прошел еще почти час. Время сжималась, как Вселенная перед большим взрывом.

Несколько минут я постоял у окна, смотря на столь знакомый мне город. Город, где я родился, и где до сего момента жил. Но волнения от

расставания я не чувствовал.

Я посмотрел на часы, пора было выходить. Я тщательно закрыл вентили, подающие воду и газ, обесточил свое жилище. Затем вышел и закрыл дверь на ключ. Только сейчас я подумал, что не принял никаких мер относительно судьбы своей квартиры. В нее я больше не вернусь. Ну и ладно, зачем мне заботится о таких пустяках. Когда обнаружат, что меня здесь больше нет, пусть делают, что хотят. Меня это уже не будет касаться.

Внизу, как и обещал Мачин, меня уже ждала машина. Я сел, и она тронулась.

Город жил своей обычной жизнью, вокруг двигались машины и люди, меня окружали привычные шумы и звуки. Я ж думал о том, что больше не буду участвовать в этом круговороте. И никто при этом ничего не теряет; ни город, ни я. Как же все хорошо устроилось, каждый получает то, чего хочет.

Я вошел в здание, где размещалась штаб-квартира империи Мачина. Как и в первый раз, меня встретили и проводили до его кабинета. Но этот раз я был принят его хозяином без всяких проволочек.

Мачин внимательно смотрел на меня.

— Я вижу, вы совсем не волнуетесь, — выдал он результат осмотра.

— Когда я понял, что мне нечего терять, я

перестал волноваться.

— Завидую вам, а я никак не могу прийти к такому состоянию. Открою вам секрет, именно с этой целью я и затеял весь этот эксперимент. Я должен знать, как будут себя чувствовать люди в такой обстановке. Может быть, однажды я присоединюсь к вам.

— Буду этому только рад.

Мачин о чем-то задумался.

— Я значительно старше вас, но смысл жизни остается для меня столько же непостижимым, как и вам. И это мучит меня, лишает уверенности в правильности своих действий. А когда имеешь такую власть, какой располагаю я, это становится самым важным вопросом.

— Могу лишь вам только посочувствовать. Может, есть смысл расстаться вам с вашей властью. И тогда острота вопроса схлынет сама собой.

— Такая дилемма много раз возникала передо мной, но пока я к этому не готов. Когда много имеешь, отказаться от всего, что имеешь, гораздо трудней, чем отказаться, когда имеешь совсем мало. Но не будем дискутировать. Вижу по вашим глазам, вам не терпится оказаться в раю.

— Вы правы. — Я вдруг подумал о том, что так и никогда не узнаю, чем кончится заинтересовавший меня сериал. На миг я даже ощутил сожаление. Боже, какие глупости влияют на

наши поступки.

— В таком случае остановимся на этом. Сейчас вас проведут в одну комнату, там вам сделают укол. А когда вы очнетесь, то будете уже в раю.

В кабинет вошла красивая девушка, улыбнулась мне и попросила следовать за ней. Я подумал, что именно такая красотка и должна привести вас в рай. Она ввела меня в небольшую комнату, где стоял диван.

— Пожалуйста, ложитесь, — сказала моя провожатая.

Я лег и почти тот час же появился мужчина в белом халате. Со стола он взял одноразовый шприц, окунул его в какой-то пузырек. Подойдя ко мне, обнажил мою руку.

— После укола лежите спокойно и не двигайтесь, через несколько минут вы уснете.

Игла почти безболезненно вошла в мою руку. Я закрыл глаза. А когда открыл, все было уже кончено. Девушка исчезла, а мужчина стоял надо мной и наблюдал за тем, как погружаюсь я в небытие.

Несколько десятков секунд абсолютно ничего не происходило, я чувствовал себя совершенно, как обычно. Внезапно голова потяжелела, веки налились свинцом. Только что вокруг меня было ясно и светло, а теперь все стремительно темнело.

Какие-то мысли, словно птицы, пронеслись в моей голове, а потом все исчезло.

Часть вторая

Глава 1

Я открыл глаза, сначала они увидели лишь сплошную темноту, но постепенно свет стал проникать в них и рассеивать мрак. Я пошевелил рукой, ногой, слегка приподнял голову. Все работало. За исключением мозга, так как я никак не мог понять, где нахожусь, что со мной. В черепной коробке стоял гул, как в цеху, когда в нем включены множество станков. И этот гул ужасно мешал мне сосредоточиться, вернуть утраченную нить жизни. Хотя я чувствовал, как какие-то настойчивые воспоминания стучались в мою черепную коробку, требовали, чтобы я как можно скорей обрел бы их.

Но прошло уже какое-то время, но пока ничего не получалось. Я по-прежнему лежал, так как чувствовал себя слабым. Единственное, что понимал, так это то, что не надо спешить, силы и память непременно ко мне вернуться.

Прошло еще некоторое время, и я вдруг почувствовал, что в самом все утраченное ко мне

быстро возвращается. Я резко сел и осмотрелся. Я находился в не очень большой, но уютной, хорошо обставленной комнате. Играла музыка. Я удивился, что до сего момента ее не слышал. И в этот миг я вспомнил все, вспомнил, как прощался с Москвой, как в последний раз разговаривал с Мачиным, а затем мужчина сделал мне укол.

Я в раю!

Как будто какая-то кнопку вдруг нажали на моем теле, и я тут же резво вскочил. Мною овладело огромное желание исследовать все вокруг, увидеть, что из себя представляет этот таинственный рай.

Я вышел из двери и оказался на веранде, с нее шагнул за порог дома. Я находился в поселке, состоящим примерно из пятнадцати домов. Может быть, дальше располагались еще постройки, но пока я видел только их. Все коттеджи были примерно одного размера, но совершенно разные по архитектурному исполнению. И надо отдать должное архитекторам, то были все без исключения очень красивые и оригинальные сооружения.

Несколько секунд я любовался тем домом, из которого вышел. Это было авангардное строение, у которого все привычные формы были сознательно искажены. Но это не отталкивало, а наоборот притягивало заложенным в замысле скрытым смыслом.

Затем я направился в экскурсию по поселку. Как я сказал, он был совсем небольшой, но очень благоустроенный. Дорожки были выложены цветными красивыми плитами, причем, ни их цвет, ни узор ни разу не повторялись. То и дело встречались фонтанчики, тоже совершенно разные по исполнению. Рядом с ними находились беседки.

На окраине поселка я обнаружил стадион: футбольное, баскетбольное, волейбольное поля, дальше шло поле для гольфа и теннисные корты. Все было сделано превосходно. Мачин не обманывал, когда уверял, что условия в созданном им раю идеальные.

Я снова вернулся в центр поселка. Пока я не встретил в нем ни одного человека, и это меня несколько обескуражило. Хотя следы их пребывания я обнаружил в большом количестве. В одном месте на скамейке лежало оставленное кем-то полотенце, около одной из беседок я заметил несколько окурков, судя по виду свежих. Я подумал, что это странно звучит, что в раю курят. А что если обитатели этого поселения по какой-то причине исчезли, и я здесь оказался в единственном числе. Провести всю жизнь в полном одиночестве? Нет, даже для такого мизантропа, как я, это слишком. Надолго меня не хватит, я через некоторое время просто сойду с ума.

Внезапно я увидел, как дверь в одном из

домов отворилась, и на веранду вышел мужчина. Я поспешил к нему.

Он спокойно наблюдал за тем, как я приближаюсь, при этом на его лице не появилось никакого выражения, словно бы мое появление его совершенно не интересовало. Хотя откуда мне знать, может быть, так оно и есть.

Я подошел к нему, теперь нас разъединяло каких-то пара метров.

— Здравствуйте, — сказал я. — Я только что приехал сюда. Вернее, когда приехал, я точно не знаю, а вот очнулся совсем недавно. Полчаса назад.

— Здравствуйте, Леонард Алексеевич, — ответил мужчина.

Я ждал, что он что-нибудь добавит, но он молчал. Мне это не очень понравилось.

— Вы меня знаете?

— Да, нас известили о вашем прибытии.

— Понятно, — произнес я, хотя пока мне было мало что понятно. — А можно узнать, вы тут давно?

— Уже месяц.

— Месяц, — удивился я. Мне почему-то казалось, что заезд в рай для всех происходил примерно в одно и то же время. — А я думал, что все только что сюда приехали.

— Ну что вы, некоторые тут уже полгода.

— Полгода! — изумился я. — А где тогда все?

— Кто где. Большинство сейчас на пляже. Сейчас утро, самое благоприятное время для купания и загара. Потом будет слишком жарко. Хотя климат тут великолепный, но все же не идеальный для рая. Насколько я понимаю, в том раю погода не менялась никогда. Там не было ни жарко, ни холодно, всегда постоянная температура.

— А почему вы не пошли с ними?

— Я не могу ни купаться, ни загорать. У меня неизлечимая болезнь, и я умираю.

Мужчина произнес эти слова совершенно точно также, как несколько секунд до этого он говорил о здешнем климате.

Я смешался, не зная, как после этих слов продолжать разговор.

— Я вижу вы немного смущены моим признанием. Но скоро привыкнете. Знаете, здесь очень приятно умирать, под пенье экзотических птиц, под шум океанского прибоя. Вы еще услышите эти замечательные звуки. Я даже не мог мечтать о том, чтобы мое это пребывание на земле завершилось в столь замечательных условиях. И кроме того, весьма почетно быть первым человеком, который умер в раю. Обычно умирают на земле, а в рай попадают уже потом в зависимости от заслуг. — Он вдруг рассмеялся. — Надеюсь, вы поняли, это шутка.

— У вас чересчур мрачные шутки.

— Вовсе нет, хотя я вас понимаю. Когда я узнал о своем диагнозе, мне тоже было не шутки. Но постепенно ко мне стало приходить понимание, что печаль и скорбь в моем положении бессмысленны, все равно они ничего не изменят. Лучше принять неизбежное, как награду, как благословение свыше.

— Смертельная болезнь — благословение свыше. По моему это слишком ужасно.

— Но это как посмотреть на ситуацию. Вы же писатель, вы должны понимать, что на все существуют самые разные точки зрения. И все они относительны, а следовательно не истинны. Поэтому, какой смысл принимать не истинную позицию, печалиться, плакать о том, что скоро неизбежно предстоит. Я решил идти по другому пути и ничуть не жалею. Смерть для меня не конец и не начало и даже не продолжение.

— Что же тогда? — спросил я, затаив дыхание.

— Скорей всего это возвращение.

— Но куда?

Мужчина улыбнулся.

— Трудно сказать. Но это не отменяет само понятие возвращения. Но давайте не будем с самых первых минут нашего знакомства вдаваться в такие темы. У нас еще будет на это время. Я умру, но еще не очень скоро.

— Почему вы так уверены в этом? — довольно бестактно спросил я.

Мужчина снова одарил меня улыбкой. Надо признать, улыбка у него была очень приятная.

— Я разобрался еще не во всех вещах, а без их понимания там не нужен. Мне дадут для этого еще немного времени. Тогда так просто люди не уходят, это было бы чересчур расточительно. А мир очень рационален, туда забирают только тогда, когда человек завершает здесь процесс познания.

— Но ведь столько людей умирают совсем молодыми, ничего не поняв.

— Да, вы правы, но потому они и умирают, что им не дано понять. Или их знания могут оказаться преждевременными или нежелательными. Хотя не исключаю, что есть и другие для этого причины. Но все, не хочу вас больше задерживать. Знакомьтесь с раем. Это действительно райский уголок.

Я кивнул головой.

— Я так и сделаю. Но вы не представились.

Мужчина схватился за голову.

— Совсем запамятовал, это влияние болезни. Меня зовут Александр Андреевич Хандруев.

Я напряг память.

— Мне знакома ваша фамилия. Да я же читал ваши статьи. Вы известный философ.

— Вы правы, но это в прошлом, здесь я не

философ.

— А кто же?

— Никто. И это вторая причина, почему я сюда приехал. Но достаточно. Идите лучше искупайтесь. Сейчас как раз время прилива. Это замечательно. Направляйтесь прямо вот по той тропинке, всего каких-то пятьсот метров — и вы на пляже.

— Я так и поступлю. — Я действительно почувствовал желание окунуться в океан. Купание всегда было моим любимым занятием.

Мы попрощались, и я направился указанной дорогой. Поселок кончился, и я шел через пышный тропический лес. Ничего подобного в своей жизни я еще не видел, какие-то незнакомые деревья, переплетенные лианами, окружали меня. Я невольно вспомнил об осенней, дождливой, холодной Москве и почувствовал счастье, что нахожусь в лете, окруженный такой замечательной природой.

Я вышел к океану, мои ноги ступали по россыпи золотого и мелкого песка. Над головой висело чистое голубое небо с ослепительным обручем солнца посередине. На берег накатывался пенистый прибой. Я думал, что обнаружу тут людей, но никого по близости не было. Впрочем, в данный момент меня это не огорчило. Вокруг были такие замечательные и яркие краски, что чье-то

присутствие скорей бы помешало переживанию этой красоты. Мною овладело какое-то странное эротическое ощущение, захотелось слиться с окружающим миром, как когда-то с любимой женщиной. Я быстро разделся догола и помчался к воде.

Вода была удивительно теплая и ласковая, небольшие волны ласково массажировали тело, доставляя ему неиссякаемое наслаждение. Я купался, нырял, плескался, как угорелый бегал по берегу, что-то бессвязно кричал, выплескивая таким образом переполнявшую меня радость. Буквально в мгновение я из серьезного, мрачного взрослого мужчину, погруженного по горло в свои проблемы, превратился в беззаботного веселого ребенка. Такая внезапная и мгновенная трансформация могла произойти только в раю. Я и был в раю, это был действительно рай. И сейчас ни каких сомнений в этом у меня не было.

Я потерял ощущение времени, у меня была полная уверенность, что я могу провести в воде целый день. И нет никакой надобности выходить на берег. Внезапно я обнаружил, что за мной с пляжа наблюдает молодая женщина. Это сразу же изменило мой настрой, у меня появилось желание познакомиться с еще одним товарищем по раю. Но возникла одна небольшая загвоздка, я купался голым и мне было неудобно выходить в таком виде

из океана под взглядом молодой дамы. Даже несмотря на то, что в раю его обитали как раз и должны ходить обнаженными. А она не выказывала никакого намерения уходить. Более того, она вдруг стала махать мне рукой, призывая к себе.

Я ощутил сильную неловкость.

— Извините, — крикнул я ей, — вы не могли бы отвернуться, я купаюсь голым.

В ответ она засмеялась.

— И это вас беспокоит. Разве вы забыли, что в раю принято ходить голыми. Выходите.

Однако сама женщина отнюдь не была в костюме Евы. На ней были, хотя и очень короткие, но шорты, а ее торс с выступающей вперед мощной грудью обтягивала белая футболка.

Ладно, подумал я, меня не убудет, если она узрит мои мужские достоинства. В конце концов, она права, в раю все должны пребывать обнаженными.

И все же полностью преодолеть смущение мне не удалось, так как я со всех ног бросился к своей одежде и быстро натянул ее прямо на мокрое тело. И лишь после этого подошел к ней.

— Вы Леонард, — уверенно сказала она. — Нас предупреждали о вашем приезде. Вы последний, больше здесь никто не появится.

— А вы тут давно?

— Две недели.

— И как вам тут?

— Клево. Рай есть рай. Лучше места я в жизни не видывала. Только иногда бывает скучновато.

— Скучновато?

— Ну да, что ж тут удивительного. Для женщины моей профессии тут особенно не разгуляешься. А я привыкла совсем к другой жизни. Я же проститутка.

Она сказала это так просто и спокойно, как будто бы была в той жизни врачом или инженером.

— Проститутка! — не удержал я вырвавшегося из меня изумления. — Но почему вы тут?

— Да надоело что-то, все как-то одно и то же. Да и с сутенером своим поссорилась. А он парень крутой, от него все, что угодно можно ожидать. Вполне способен перо в бок засадить. А тут внезапно мне такое предложили. У меня шары на лоб и полезли. — Внезапно она оглянулась вокруг себя и сделала шаг ко мне. — А вы думаете это правда, что мы тут до конца жизни останемся? — почему-то шепотом спросила бывшая или еще не совсем бывшая проститутка.

— Правда, — уверенно произнес я. Почему-то я в самом деле в этом несколько не сомневался.

— Ужас-то какой. Вы представляете, мне всего двадцать пять. А если я доживу до восьмидесяти, у нас в роду все долгожители, то

здесь придется находиться еще пятьдесят пять лет.

Эта гигантская цифра оглушила ее настолько, что она вдруг побледнела и чтобы не упасть, схватилась за мою руку. У меня возникло впечатление, что до нее только сейчас дошло на какое долгое заточение в раю она себя обрекла.

— Боже, что же делать, я не могу тут так долго. Ну год, ну два, а потом? Я же свихнусь, как Зойка. — Она посмотрела на меня. — Про вас говорили, что вы писатель. Это правда? — совершенно неожиданно она перешла к другой теме.

— Теперь уже нет, я покончил с этим бесплодным занятием.

— Не важно, — нетерпеливо воскликнула она, — главное, что вы были им. Вы должны знать, как отсюда выбраться. Но не сейчас, а попозже. Когда надоест.

Я покачал головой.

— Увы, мне это неизвестно. Я приехал сюда на совсем.

— Но вы можете что-то придумать, как мне отсюда выбраться?

— Я так понимаю, что мы на острове. Если сюда зайдет какой-то корабль.

— Сюда никто не заходит. За все время, что я тут, на горизонте не появилось ни одного суденышка. Никто не знает, где находится этот

проклятый остров. Что же делать? — простонала она.

— Подождите отчаиваться... — Я хотел назвать женщину по имени, но только сейчас вспомнил, что не знаю его. — Как вас зовут?

— Но какое это имеет значение, — раздраженно произнесла она. — Зовите, как хотите. Я всегда предлагала так делать клиентам.

— Но я не ваш клиент.

Она как-то странно посмотрела на меня.

— Мое имя — Катя. А фамилия Глинкина. Теперь вы довольны?

Я не видел особых причин для довольства от того, что мне стало известно ее имя. Но я решил быть вежливым.

— Рад с вами познакомиться. Меня зовут Леонард Алексеевич Кортнев.

— Да, какая мне разница! Скажите, вы сможете придумать, как отсюда улизнуть. А за это я готова обслуживать вас бесплатно. Хотите прямо сейчас? На песке очень удобно, он очень мягкий.

— Сейчас не хочу. А разве тут ходят деньги?

— Да, какие тут деньги, все и так есть. Это я по привычке. Так вы что-нибудь придумаете?

— Не знаю, не уверен. А может быть, вам тут так понравится, что и уезжать не захочется.

— В течение пятидесяти пяти лет. Да ты спятил, старичок.

Я решил не обижаться на «старичок».

— Вы даже не представляете, как может еще все измениться. Это вам сейчас кажется, что провести тут столько лет невыносимо. А через полгода или через год настроение может кардинально поменяться.

По лицу Кати можно было заметить, что я ее разочаровал, и она потеряла значительную часть ко мне интереса.

— Ладно, чего говорить, раз сказать нечего. Пойду в поселок, полежу. Все-таки тут жарко, а я больше прохладу люблю. Включу кондиционер, музыкальный центр и стану балдеть. А если вдруг захочешь поразвлечься другим способом, приходи. Ты мужчина видный, мне такие всегда нравились.

— Спасибо за приглашение. — Ко мне пришла мысль, что совсем не исключено, что как-нибудь воспользуюсь им. Ведь впереди столько времени...

Я наблюдал за тем, как Катя, отчаянно виляя своим мощным задом, шла в поселок. С двумя его обитателями я уже познакомился, и оба, хотя и совершенно по разному, преподнесли мне немало сюрпризов. Интересно другие тоже такие же любопытные экземпляры?

Я решил вернуться в поселок. Может быть, встречу еще кого-нибудь. Хотя я покончил со своим писательским прошлым, но у меня пробудилось

профессиональное любопытство, какие еще экземпляры мне тут попадутся. Этот Мачин отбирал людей, чтобы тут их поселить, совсем не случайно, он придерживался каких-то определенных принципов. Хотя что это за принципы, я не знал, а теперь уже и не спросишь; маловероятно, чтобы я когда-нибудь с ним снова увижусь.

Я шел неторопливо, даже посвистывая. Если память меня не подводит, я себя не вел подобным образом с десятилетнего возраста. Давно я не чувствовал себя столь беззаботным, прошлая жизнь отвалилась от меня, как высохшая корка от болячки. Я даже не вспоминал о ней, так мне было хорошо. Я только что искупался в теплом, приветливом океане, а я сейчас иду по проложенной в тропическом лесу тропинке. Мои ноздри подрагивают от непривычных, но очень ароматных запахов, глаза наслаждаются видами незнакомых мне деревьев и растений.

— Леонард Алексеевич! — вдруг услышал я за спиной чей-то зов.

Я обернулся и увидел, как ко мне спешит мужчина средних лет.

— Леонард Алексеевич, как я рад, что наконец вас нашел. Вы как-то сразу исчезли.

— Я ходил купаться. А могу узнать, кто вы будете?

— Ну, конечно, же, вы должны были это сделать в первую очередь. Позвольте представиться, меня зовут Юрий Васильевич Брусникин. Вам обо мне не говорили?

— Мне ни ком ничего не говорили.

— Понимаю. Тогда я введу вас в курс дела. Я комендант рая.

— Комендант рая! — изумился я. — По-моему такой должности в мире еще не было.

— Но ведь и рая не было, — резонно указал мне комендант рая. — Тот не в счет, с ним ничего не ясно. Был он или не был, кто может дать руку на отсечение. Вот вы как лично думаете?

Я пожал плечами.

— Вот видите, вы тоже придерживаетесь такого же мнения. Пойдемте в поселок и заодно поговорим.

Мы направились по тропинке.

— А между прочим, вы напрасно удивляетесь, — говорил Брусникин, — если бы в том библейском раю народу бы прибавилось, было бы к примеру столько, сколько здесь, Господь непременно ввел бы такую должность. Без нее даже Он бы не справился с таким хозяйством. Это двое могут кормиться с деревьев, а если больше, то как бы они поступили?

— Создали бы фермерское хозяйство, — рассмеялся я.

— Зря смеетесь, я уверен, так бы все и произошло, если бы не змий. И рай в конечном итоге превратился бы в производство. Впрочем, мы отклонились от темы.

— А разве у нас была заявлена какая-то тема?

— Да, я вам должен рассказать по наши тут порядки. Это входит в мои обязанности.

Меня вдруг осенило.

— Так вы не такой, как мы все. Вы поди и зарплату получаете и уехать можете, когда пожелаете.

— Зарплату получаю, что касается отъезда, то срок моего тут пребывания строго оговорен в контракте. Раньше никак нельзя. Иначе все мои сбережения, что мне перечисляются, будут аннулированы.

— И долго вы тут пробудете?

— А вот это коммерческая тайна. Я дал подписку, что никому не скажу об этом. Если есть еще вопросы о моем статусе, то задавайте.

— Вы приехали сюда добровольно.

— Разумеется, да. Мне предложили эту работу, и я согласился. И ничуть не жалею, тут не только замечательная природа, но очень интересное общество. Обещаю, вам скучно не будет.

— Надеюсь, — пробормотал я и вспомнил о Катерине.

— А вот и наш замечательный поселок! —

воскликнул единственный в мире комендант рая. — Я сейчас вам тут все покажу и расскажу.

Он меня подвел к одному из домов, в котором я узнал тот дом, из которого вышел более часа назад.

— Это дом, в котором вы будете жить до конца вашего тут пребывания тут, — сказал Брусникин.

— То есть до конца жизни, — уточнил я.

— Именно, до конца жизни, так как никто из вас здесь находящихся не имеет право покидать остров. Давайте войдем в дом. А теперь внимательно все посмотрите, если вам не нравится обстановка или вы хотите что-то еще иметь у себя, сделайте заявку. И вас быстро все доставят. Видите компьютер, чаще всего мы будем с вами общаться с помощью него. Вы будете заказывать пищу, которую хотите, любые предметы обихода, вплоть до машин. Вы все получите.

— А если я захочу самолет или яхту?

— Увы, это контрактом не предусмотрено. Все транспортные средства, которые потенциально могут быть использованы для того, чтобы покинуть рай, тут запрещены.

— Вы не находите, что этот рай до какой-то степени напоминает тюрьму?

Брусникин внимательно посмотрел на меня.

— Сожалею, но этот вопрос выходит за рамки

моей компетенции. Хотя, если вас интересует мое личное мнение, то мне всегда казалось, что тот рай чем-то действительно напоминал тюрьму, ведь добровольно они не могли его покинуть. Там все происходило по велению надзирателя. Хотите ли вы поменять мебель или сделать перестановку в доме?

— Да, нет, мне тут все нравится. Да и какая разница, я не за этим ехал сюда.

— Тут вы не правы, вам же предстоит тут жить долго. Поэтому лучше с самого начала расположиться с комфортом.

— Я подумаю над вашим предложением. Но пока ничего не хочу менять.

— Хорошо. Теперь об еде. Вы можете готовить сами, в доме есть кухня, а можете мне заказывать пищу по компьютеру.

— А готовить будете вы?

— Да, я повар высшей квалификации. Перед тем, как сюда отправиться, закончил курсы, могу показать диплом.

— Я верю.

— Теперь выйдем из дома, я должен вам показать все, что есть в поселке и чем вы можете пользоваться.

Брусникин привел меня к стадиону, возле которого я уже был.

— Здесь можно заниматься почти всеми

летними видами спорта. Весь необходимый инвентарь имеется. А вон видите большое крытое помещение?

— Да, вижу.

— Это бассейн. Там так же есть сауна, русская баня, оборудованные в соответствие с самыми последними достижениями душевые. В общем настоящая водная феерия. Хотите зайти посмотреть?

— Еще успею, времени сколько угодно.

Брусникин кивнул головой, словно бы одобряя мое решение. Мы направились к следующему пункту нашей экскурсии.

На этот раз мы остановились возле кафе. Я увидел барную стойку с огромным набором напитков, в том числе алкогольных.

— Это кафе и бар, — пояснил Брусникин. — Обычно здесь собираются обитатели рая по вечерам. Но вы можете пользоваться содержимым бара в любое время суток. Здесь есть всегда напитки и легкие закуски.

— Я смотрю, что тут много алкоголя. Мне почему-то казалось, что в раю не бывает спиртного.

— Но почему же, — пожал плечами комендант рая. — Нигде не написано, что в раю не может быть вино. Такого запрета не существует.

— Но тогда тут могут быть и наркотики.

— Они тут есть, — невозмутимо подтвердил

Брусникин. — Вы можете получить любой наркотик. Хотите попробовать?

— Нет, — поспешно произнес я. Мне вспомнился мой не долгий опыт знакомства с наркотиками. До сих пор во мне жил испуг перед той бездной, в которую я с их помощью заглянул.

Мы вышли из дома и направились к окраине поселка. Мы подошли к какому-то странному сооружению, которое одновременно напоминало церковь, пагоду и мечеть, но при этом не было ни тем, ни другим, ни третьем.

— Что вы думаете об этом сооружение? — поинтересовался мой спутник.

— Странная архитектура. Такое чувство, что архитектор хотел создать какое-то универсальное строение, которое содержит знакомые формы, но при этом оно их объединяет и тем самым преодолевает. А в итоге появляется нечто принципиально новое, не похожее не на один из прототипов.

— Вы верно проникли в самую сердцевину замысла. Это действительно попытка преодолеть ограниченность любых устоявшихся форм. И это совершенно логично, потому что это здание часовни. Или по-другому его еще называют ковчег Бога.

— И что это означает на практике?

— Если вы войдете во внутрь ковчега, то тем

самым получите возможность напрямую беседовать с Богом.

— Вы шутите?

— Ничуть. Я понимаю ваше удивление, но клянусь, все так и есть.

— И если я сейчас войду сюда, то буду общаться с Богом?

— Боюсь, что у вас ничего не получится. Дело в том, что Бог выходит на связь только в том случае, если человек действительно испытывает настоятельную потребность общения с Ним. Обычное любопытство, вот как сейчас у вас, он не удовлетворяет.

— И вы верите, что тут действительно установлена связь с Богом? И все, кто тут находятся, тоже в это верят?

— Извините, верят или не верят, это не мое дело. Мое дело лишь довести до каждого из вас сведения о том, что тут находится. А дальше каждый уже решает сам, как ему относиться к этому факту. Так как я не член вашей общины, мне в ковчег вход воспрещен.

— А если однажды вы все же войдете?

— Для меня это означает смерть.

— Вы это серьезно?

— Вполне. С Богом шутки плохи. У вас есть еще ко мне вопросы?

— Я могу свободно передвигаться по

острову?

— Да, конечно. Он вам принадлежит, как и в равной степени всем остальным, кто тут находится.

— А остров большой?

— Нет, совсем маленький, пятнадцать километров в длину и десять в ширину. Так что заблудиться здесь не просто. Хотя хищных зверей тут вроде бы нет, но ядовитые змеи водятся.

— Как же рай без змия.

— Я понимаю ваш юмор, но змей действительно надо остерегаться. Поэтому лучше не углубляйтесь в лес. Мало ли что.

— А что здесь еще делать? Волей неволей углубишься.

Брусникин пожал плечами.

— Мое дело предупредить. У нас тут считается, что каждый обитатель рая обладает свободой воли и сам принимает все решения.

— Свобода воли, — вздохнул я, — вечный вопрос, который мучает человека. Могу ли я его задать Богу?

— Бог на то и Бог, чтобы ему задавали любые вопросы, иначе, какой в нем смысл, — резонно произнес комендант рая.

Мне вдруг сильно захотелось войти в ковчег.

— А могу я просто зайти туда и посмотреть, что там.

— Можете, но не рекомендуется. Еще раз

повторяю: это не место для удовлетворения любопытства, а место для проникновенной беседы со Всевышним.

— А что будет, если я все же проявлю любопытство?

Брусникин, как мне показалось, не слишком был доволен моим вопросом.

— Хочу вам напомнить в этой связи, — непривычно сухо вдруг произнес он, — Бог не только милосерден, возмездие и наказание провинившихся тоже дело Его рук. У нас был один, кто без конца заходил в ковчег, пытался установить связь с Господом, хотя никаких серьезных вопросов у него к Нему не было. Неделю назад он скончался. Он жил в вашем доме.

Меня вдруг пронзила догадка.

— Выходит, я оказался тут по причине его смерти.

— Именно так.

— А от чего он умер?

— Трудно сказать, он заболел внезапно и скончался всего за несколько дней. Если у вас нет ко мне больше вопросов, то позвольте откланяться. Мне пора заниматься обедом. Кстати, что вы хотите на обед?

— Честное слово, мне все равно. Сделайте что-нибудь по вашему усмотрению. У меня сейчас мысли заняты другим.

— Хорошо. До свидания. Рад, что вы присоединились к нам.

Брусникин кивнул мне головой и стал быстро удаляться.

— Подождите! — крикнул я ему вдогонку.

Комендант рая остановился и посмотрел на меня.

— Вы хотите еще о чем-то спросить?

— Да. — Почему-то только сейчас я обнаружил над входом в часовню рисунок. Даже странно, что я его не заметил раньше.

Рисунок состоял из несколько кругов. Пространство между ними было закрашено разными цветами. Внутри окружности вписан квадрат, но не сплошной. С каждой из четырех сторон он был разорван и на этом месте располагалось что-то напоминающее вход во внутрь. Он вел к фигуре, состоящей из нескольких кругов, они были соединены многочисленными линиями, представляющие из себя сложные переплетения.

— Могу я узнать, что это такое? — спросил я.

Брусникин удивленно посмотрел на меня.

— А вы разве не знаете. Это мандала.

— Это слово я безусловно слышал, но его значение вырисовывалось в моей памяти очень смутно.

— Вы можете мне пояснить эту символику?

— С удовольствием. Это древний тибетский символ. Он символизирует путь внешнего сознания к внутреннему, то есть Вселенскому. Вот посмотрите, внешний круг указывает на границу между обыденным сознанием и иным его состоянием. Чтобы войти в это иное состояние, нужно преодолеть определенное расстояние. Это отнюдь не просто. Видите они раскрашены в разные цвета.

— Вижу.

— А что это окраска вам напоминает?

Я напряг воображение, но безрезультатно.

— Не могу сказать.

— Это цвета пламени. Чтобы попасть из внешнего круга в первый внутренний нужно сжечь все то, что скопилось в вашем сознании. А это очень трудно, по силам совсем немногим.

— А что означает квадрат?

— Надеюсь, вы заметили, это не просто квадрат, это квадрат с воротами. Их четыре, по одной на каждой его стороне. Но на самом деле это не квадрат, это храмовые стены, а ворота ведут в храм. Но сначала взгляните на вершину квадрату. Видите там диск?

Я присмотрелся и увидел.

— Да, вижу.

— Этот диск называется колесом Закона. Вы уже догадались, что эта фигура названа так не

случайно. Она символизирует универсальный духовный закон, единый для всех живых и не живых существ и объектов. Закон, который все определяет и всем управляет. А видите в колесе спицы?

— Да, вижу.

— Сколько их?

— Двенадцать, — сосчитал я. — И что они означают?

— Каждая спица обозначает одну из форм поведения для того, кто хочет войти в храм. Лишь следование этим нормам способно привести человека к соблюдению универсального закона. И только в этом случае он получает право на вхождение в храм.

— Что же происходит дальше с вошедшим?

— Его испытания продолжаются. Каждое из ворот охраняется свирепым божеством. Этот свирепый страж направляет свой гнев против тех, кто не заслужил право на вход. Но на самом деле задача божества не обрушить месть за незаконное вторжение, а помочь ищущему одержать победу над остатками своего не полностью сгоревшего в очистительном пламени эго. Ведь в святилище можно войти только целиком очистившись, ибо оно — обитель богов. Но обратите внимание, как запутан и извилист путь к самому центру. Вы догадываетесь, что значит данный символ?

— Сложность пути к нему, — не без некоторого опасения ошибиться предположил я.

— Разумеется, это так, — снисходительно проговорил Брусникин. — И лишь тот, кто сумеет найти дорогу в этом лабиринте, доберется до финиша, сольется с мировым духом. Теперь вам понятно?

— Теперь да. Спасибо за экскурсию по мандале.

Брусники окинул меня взглядом, распознать смысл которого я был не в силах, и теперь уже удалился окончательно.

Я же стоял рядом с ковчегом, дверь в него была закрыта. Но мною владело искушение туда войти. У меня было несколько вопросов к Богу, но я четко сознавал, что все они являлись проявлением моего необузданного любопытства. И не более того. А потому я должен сдержать это желание. И чтобы не мучить себя, я решил уйти с этого места. Но я был уверен, что еще сюда приду.

В поселке по-прежнему было пусто, даже Хандруев исчез с веранды и, наверное, лежит сейчас в комнате, спасаясь от жары. Как страшно жить, когда ты знаешь, что вышел на финишную прямую в своем забеге от жизни к смерти. Меня аж всего пробрало. Искренен ли он в своем желании лучше понять, что это такое или это бравада с его стороны, стремление показать свою волю и

неустрашимость и таким образом погасить страх? В этом вопросе непременно надо разобраться. Он важен не только для него, но и для меня, ведь мне тоже однажды предстоит проделать тот же путь.

Почему у меня возникло именно сейчас такое желание, я не знал, но оно вдруг оказалось очень сильным. Если бы Хандруев сидел я сейчас на своей веранде, я бы обязательно пошел бы выяснять этот вопрос. Но заходить к нему в комнату я счет неудобным, все же человек больной и ему нужен покой. Может быть, и мне немного отдохнуть, я вдруг почувствовал небольшое утомление. Все же для рая тут чуть-чуть жарковато, а в том библейском раю климат был скорей всего более подходящий для его обитателей. Но увы, над этим даже Мачин с его безграничными возможностями не властен.

Я вошел в свой дом, включил кондиционер и лег, наслаждаясь приятной прохладой. Я решил суммировать мои первые впечатления и попытаться понять, что я же испытываю, оказавшись здесь. Я вдруг поймал себя на то, что хотя нахожусь тут совсем недолго, но прежняя жизнь уже как-то отдалилась от меня. То, что меня так сильно угнетало там, здесь уже не имеет надо мной такой власти. Не то, что все это исчезло совсем, для этого прошло чересчур слишком мало времени, но быстро начинает терять былую остроту. В моем

воображение возникла Марина, но ее образ меня едва ли не впервые ничуть не взволновал. А ведь там даже одно легкое облачко воспоминания о ней, вызывало внутри меня бурю чувств.

Но меня больше занимало даже не это обстоятельство, а то, что я не мог определить, как к этому относиться. Радоваться, как освобождению от гнета прошлого или огорчаться тому, что то, чем я жил столько времени, исчезает, как утренний туман. А что приходит на смену? Пока абсолютно ничего. Наверное, в каком-то смысле это хорошо, для этого я тут и оказался. Но чем заполнять пустоту? А ведь она совсем скоро громогласно заявит о себе. А это крайне неприятное ощущение.

Так как решить этот вопрос в данный момент я никак не мог, то поступил максимально просто — закрыл глаза. В конце концов это тоже замечательно, когда тебя никто не ждет, когда тебе никуда не надо спешить, когда ты полновластный хозяин своего времени. В каком-то смысле его вообще для меня больше не существует, так как оно мне отныне не нужно, потеряло и свой смысл и свою диктаторскую власть надо мной. Там я всегда спешил, хотел успеть получить как можно больше даров жизни: любви, наслаждения, работы, отдыха, денег, славы. Я бежал со временем наперегонки, даже когда спал, эта гонка не прекращалась. И вот неожиданно она закончилась. И только одно это

обстоятельство должно сделать меня счастливым. Но пока же я чувствовал, что до счастье еще далековато. И даже в какую сторону идти за ним я не представлял. Впрочем, для поисков этого направления я и прибыл сюда, в созданный человеком рай. Вот только ли по силам человеку его создать?

Я проснулся от чьего-то присутствия. Я открыл глаза и увидел склоненного надо мной человека. Это было какое-то безотчетное ощущение, но я сразу же почувствовал опасность. Я быстро сел на кровати.

— Я вас разбудил? Прошу прощения.

В голосе непрошенного гостя звучал кавказский акцент. Да и его внешность была характерна для выходца из этого региона. Черные волосы, смуглая кожа, орлиный нос. Вдобавок он носил бороду.

— Ничего страшного, для того, чтобы отоспаться, тут времени предостаточно.

— Это вы точно заметили, — усмехнулся гость. Давайте знакомиться, меня зовут Саид Бицоев.

— Очень приятно, — сказал я, хотя почему-то я не был уверен, что мне так уж и очень приятно. Моя настороженность не проходила. Почему он пришел ко мне, когда я спал? Разве нельзя было подождать, пока я проснусь? Здесь же нет и не

может быть никаких срочных дел. И что он делал в моем доме, пока я спал? Но я не стал задавать эти вопросы, а решил ждать, что он мне скажет.

— Как вам тут нравится? — спросил Бицоев, без спроса сядя в кресло напротив меня.

— Я тут совсем недолго, еще не успел понять. А вы давно тут?

— Месяц. Самое трудное — это найти здесь хоть какое-то занятие.

— Всегда можно что-нибудь придумать, — не очень убежденный в своих словах произнес я.

— Вы полагаете. Если у вас что-то возникнет какая-нибудь идея, поделитесь со мной.

— Хорошо. Но я не знаю, что вас может заинтересовать. У каждого ведь свои интересы, и они далеко не всегда подходят для других.

— Тут вы совершенно правы. Мне предлагали кое чем заняться, но меня это не вдохновило. Может, у вас что-нибудь получится.

— Может быть, — согласился я. — Но для этого скажите, какие у вас интересы, чем вы занимались до того, как оказаться тут?

— Какие интересы? — Бицоев усмехнулся. — Чем занимался? — Он снова усмехнулся. — Да так, по большому счету ничем. Вернее, многим. Вы главное предлагайте, а там разберемся.

— Хорошо. — Этот разговор мне упорно не нравился.

— Но и вы, если заскучаете, тоже приходите ко мне. Вместе изобрести что-то легче.

— Договорились.

— Кстати, я тут набираю футбольную команду. Не хотите поучаствовать?

К футболу я всегда был довольно равнодушен. Но это было в той жизни, а тут все может быть по-другому.

— Почему бы и нет. Футбол замечательный вид спорта.

— Тогда я вам скажу, когда будет тренировка.

Все то время, что мы разговаривали, Бицоев не спускал с меня пристального взгляда. И у меня невольно закрадывалась мысль, что наше общение — это некая маскировка, призванная закамуфлировать его совсем иной интерес ко мне. Впрочем, не могу сказать, что меня это сильно беспокоило или волновало, рано или поздно все прояснится.

— Приятно было познакомиться, — встал мой гость с кресла, на котором он сидел развалясь. — Мы еще обязательно обо всем подробно поговорим.

Я проводил его взглядом. Меня поразило то, что он шел по раю как-то странно, чересчур сосредоточенно и собранно, то и дело смотря по сторонам, словно бы ожидая нападения. Так ходят, когда кого-то опасаются. Но здесь-то абсолютно все безопасно. Станный, непонятный тип, подумал я.

Кто следующий, подумал я, когда Бицоев скрылся в своем доме. Спать мне больше не хотелось, общение с кавказцем оказалось хорошим лекарством против сна. Но возникла новая проблема, чем бы себя занять? Но уже буквально через несколько минут она решилась само собой. Совершенно неожиданно раздалось легкое тарактенье и еще через пару минут я заметил небольшую мототележку. На ней восседал Брусникин. Я не сразу догадался, что он развозил еду.

Оказалось, что пока я спал, поселок наполнился людьми. Комендант рая и по совместительству повар подъезжал к домику, оттуда выходил его обитатель и брал еду. Я внимательно наблюдал за происходящим и заметил, что пустых коттеджей нет, каждый из них кем-то заселен.

Ко мне Брусникин подъехал в последнюю очередь.

— Вот ваш обед, — подал он мне судки. — Я сделал его на свой вкус. Надеюсь, он вам понравится.

— Не сомневаюсь. — Мне хотелось его по расспросить о Бицоеве, но почему-то не решился.

— У вас есть какие-нибудь просьбы, пожелания? — спросил он.

— Все замечательно. — Я не был в этом

уверен, но не хотел разочаровывать в первую очередь самого себя.

Брусникин улыбнулся мне и уехал.

Обед, в самом деле, был очень вкусным, давно я не ел с таким аппетитом. Брусникин не обманывал меня, когда говорил, что он замечательный повар. Я никогда не был большим гурманом, еда занимала в моей жизни достаточно скромное место. Но сейчас это был еще один аргумент в пользу моего приезда сюда; ведь с тех пор, как от меня ушла Марина, я питался кое как и начинал уже испытывать неполадки с желудком. А здесь меня ждет вкусная и сытная пища. А еда далеко не последнее дело в жизни человека.

Я с аппетитом поел. Как ни странно, вкусный обед вернул мне хорошее настроение, которое похитил у меня Бицоев. И я с усмешкой подумал, что в сущности для счастья человеку надо совсем немного, а иногда так мало, что даже становится странным, почему на земле так много несчастных людей.

Я вышел на веранду в надежде, что сумею еще с кем-нибудь познакомиться. Но к некоторому моему удивлению, никого не обнаружил, по-видимому все сидели внутри своих домов. Это потом мне стало известно, что по общей договоренности после обеда наступал час сиесты, все ложились отдыхать. Я же, наоборот,

отдохнувший, жаждал общения.

Но все же мне повезло, через несколько минут я заметил, как в мою сторону движется мужчина. Его наряд вызвал у меня удивление, так как он был облачен в сутану священника. Во-первых, для такой одежды было чересчур жарко, а во-вторых, мне казалось, что тут не место для священнослужителей. Здесь в эдеме их работа теряет всякий смысл, это там, на земле они должны помогать людям попадать в рай. А коли мы тут уже оказались, то можно считать их миссия выполненной.

Мужчина остановился в нескольких шагах от моего дома, и я мог разглядеть его внешность. Он был совсем не старый, примерно мой ровесник с довольно благообразным лицом, которое обрамляла густая борода. Он тоже внимательно рассматривал меня. И у меня создалось впечатление, что делал он это не только ради любопытство, им руководила и иная, более важная цель. Невольно я подумал, что многие обитатели рая преследуют какие-то свои не совсем райские задачи.

— Здравствуйтесь, — поздоровался мужчина. — Позвольте представиться, меня зовут Редько Николай Витальевич. Хотя я предпочитаю, чтобы меня называли отец Николай. Я глава местного прихода.

— Что? — Мне показалось, что я

ослышался. — Тут есть приход?

— А почему бы и нет? — сделал удивленные лицо отец Николай. — Здесь находятся православные люди, поэтому должен быть и приход. Насколько я понимаю, вы по национальности русский.

— Да.

— Следовательно православный.

Я почувствовал некоторую нерешительность. Отправляясь сюда, я никак не предполагал, что тут могут возникнуть конфессиональные вопросы, наоборот, я был уверен, что эта тема будет здесь отсутствовать.

— Видите ли, отец Николай, я никогда не связывал себя ни с одной конфессией, ни с одной религией. У меня как-то не возникало желание причислять себя к адептам одной из них. В этом, как впрочем, и в других вопросах я предпочитал оставаться свободным, не связывать себя узами традиций.

Мой ответ не обескуражил моего собеседника.

— Нечто подобное я и ожидал от вас услышать. Автор романа: «Долой обман» должен придерживаться именно таких воззрений.

— Вы читали мой роман? — изумился я.

— Читал.

Во истину странное место, вот уж никак не предполагал, что именно тут найду своих

читателей.

— И что вы думаете о нем?

— Этот роман противен принципам нашей церкви.

— Но в нем нет ни слова о православной церкви.

— А это совсем не обязательно, я же говорю о духе, а не о букве.

Я не мог не согласиться с отцом Николаем, когда я писал это произведение, то в моей голове часто возникали мысли о православной, да и не только о православной церкви, как об институте, основанном на обмане.

— Значит, вы не одобряете это произведение?

— Не считайте меня обскурантом, Леонард Алексеевич, я не разделяю пафос вашего творения, но при этом являюсь поклонником вашего творчества.

Час от часу не легче, я убежал сюда от своего творчества, от всех неудач с ним связанных, а тот нахожу своих приверженцев. Хоть клуб фанатом организовывай.

— Могу я у вас кое о чем спросить? — сказал я.

— Весь в внимании.

— А почему вы решили приехать сюда, ведь вы, как все тут, навсегда.

— Разумеется, разделяю общую участь.

Отвечаю на ваш вопрос с полной искренностью, мне нечего скрывать. Никаких намерения сюда ехать, я не имел, это было не мое решение.

— А чье же?

— Решение руководства церкви. Его принимал сам патриарх. Он же меня и благословил на сей подвиг.

— Тогда позвольте мне спросить, в чем заключается ваш подвиг, какая потребность тут в священнослужителе?

— Закономерный вопрос. Но вы, по-видимому, не заметили, что я ответил на него в самом начале. Долг священника находится там, где его паства. Меня направили сюда на служение, помогать душам людей находить дорогу к Богу.

— Но здесь вроде бы до Бога рукой подать. Он где-то совсем рядом. Мне сегодня даже показывали место, нечто вроде переговорного пункта, откуда можно с ним побеседовать. Вы там еще не были?

На лицо священника вдруг наплыла тень.

— Именно поэтому я тут. Этот рай придумал дьявол. Он же и создал место, откуда якобы можно поговорить с Богом. Это великое дьявольское искушение, тонкий, а от того страшный обман. Тот, кто войдет в этот, как вы сказали, переговорный пункт, будет навсегда проклят.

Внезапно в отце Николае проглянуло что-то

фанатическое, в нем проявился столь знакомый по общению с его собратьями дух непримиримости. Даже стало немного не по себе. Почему-то я вдруг вспомнил о Бицоеве. Совершенно разные люди, да и религии придерживаются скорей всего разной; у этого Бицоева типичная внешность последователя ислама. Но при этом есть что-то между ними неуловимо общее. Ладно, не стоит сейчас ни на чем заикливаться, лучше воспользоваться моментом и попытаться как можно лучше во всем разобраться.

— Но разве вам не любопытно войти в это помещение и установить контакт с Богом или дьяволом, как вы предполагаете. Вдруг это окажется полезным для вас, каким-то образом повлияет на ваши убеждения, расширит ваш кругозор. А, как известно, общение с дьяволом этому весьма способствует. Ведь дьявол — первый интеллеktуал.

— На мои убеждения не может ничего повлиять, я не нуждаюсь в подобных допингах. А происки дьявола мне хороши известны, как и то, что они никогда не прекращаются.

— Пойдите! — Меня осенила одна мысль. — Вас направили сюда, потому что руководство сочло эту затею происками дьявола. И ваша главная задача — им противостоять.

По лицу отца Николая я понял, что попал в яблочко. Его ответ прозвучал после небольшой

паузы.

— Не стану от вас скрывать, передо мной действительно поставлена такая задача. Борьба с дьяволом должна происходить повсюду, он не должен чувствовать нигде возможность для того, чтобы творить свои черные дела. И я очень надеюсь, что вы поддержите меня в этой святой битве. Такие люди, как вы, должны быть на нашей стороне.

— Позвольте уточнить, на стороне церкви против дьявола?

— Да.

— Но я хочу сразу поставить точки над и. Я, разумеется, против дьявола, чтобы под этим словом не понималось, но вот на стороне церкви... С момента написания моей книги мои воззрения не изменились.

— Очень жаль, я, честно говоря, надеялся на иное.

— Но почему вы надеялись, разве я давал для этого какой-нибудь повод?

— Ваш приезд сюда...

— Я приехал сюда потому что не нашел в том мире своего пути. А те пути, по которым шел, привели меня в тупик. Или можно сказать сюда. Другое дело я еще не знаю, это другой тупик или выход из тупика. Но надеюсь со временем разобраться.

— Я для того, чтобы вам помочь в этом, Леонард Алексеевич, — проникновенно проговорил отец Николай.

— Простите за прямоту, но не верю, вы тут для того, чтобы перетянуть меня на свою сторону. Если вы хотите мне действительно помочь, вы должны помочь мне нащупать мой путь, а не толкать меня на присоединения к общему стаду. Это ошибка всех священников, они подходят к любому человеку с одним и тем же шаблоном, они не желают видеть, что каждый к Богу идет своей дорогой. А вот общей дороги к нему не существует. А все церкви провозглашают именно это. Потому-то все куда-то идут, а никто никуда не приходит.

Редько некоторое время молча смотрел на меня.

— Вы действительно остались непримиримым врагом нашей церкви.

Я вдруг с некоторым удивлением заметил, как зло засверкали его глаза.

— Мне бы не хотелось, чтобы в этом замечательном месте люди, как и там, откуда мы все пришли, делились бы на друзей и врагов. Иначе, какой смысл этого перемещения в пространстве. Разве не отправились мы сюда за тем, чтобы сбросить с себя ярмо всех этих столь привычных нам представлений.

— Я был бы рад их, как вы говорите, сбросить их ярмо, но истина имеет абсолютный характер, она везде и повсюду едина. И за нее приходится бороться.

Я покачал головой.

— Если за истину надо бороться, то это уже не истина. Любая борьба делает истину не истинной. Истину надо искать. Это как раз то, что церковь не может или не хочет понять вот уже несколько тысячелетий.

— Мне жаль, что мы не нашли с вами общего языка, — произнес священник. — Идя к вам, я надеялся на это.

— Мне тоже жаль, но, как говорится, Платон мне друг, а истина дороже. Но у нас еще впереди масса времени, мы можем попытаться найти точки соприкосновения.

Отец Николай ничего не ответил, он кивнул мне головой и повернулся. Я смотрел, как он удалялся и думал о том, что, кажется, у меня тут появился первый противник.

Больше в этот первый день моего пребывания в раю мною никто не интересовался. Хотя я видел, как мимо моего дома сновали незнакомые мне люди, некоторые из них бросали на меня взгляды, но в них я не обнаруживал большого интереса к своей персоне. Вообще, у меня сложилось странное ощущение, что тут все чем-то заняты, куда-то

спешат, у всех какие-то дела. Это было странным, так как я предполагал обнаружить тут атмосферу праздности, безделья, вальяжности. Как и должно быть в таком специфическом месте под названием «рай». А вместо этого тут царит какой-то деловой настрой, все чем-то озабочены, у каждого есть свое занятие. Хотя чем тут заниматься, даже невозможно представить.

Мое внимание привлек странный дуэт, который на мгновение мелькнул вдали. Я вдруг увидел, как идут вместе и энергично разговаривают отец Николай и Бицоев. Причем, по выражению их лиц и жестам это была вовсе не какая-то пустая болтовня, эта пара явно обсуждала что-то важное, имеющее большое значение для обеих. Но что это может быть? Что есть истина? Почему-то мне казалось, что это очень маловероятным.

Я продолжал сидеть на веранде, обозревая окружающий меня мир. Внезапно я услышал громкие крики: мужской и женский. Они раздавались из расположенного по соседству дома. Он находился на расстоянии от меня всего в метрах пятидесяти, и я даже мог различать некоторые возгласы. Люди явно ссорились.

«Зачем я сюда с тобой приехал, теперь мы повязаны цепью на всю жизнь». Это был мужской голос. Ему ответил женский: «На этом ты настоял, идиот, я предлагала тебе, как нормальному

человеку развод. А ты давай, попробуем в новых условиях. Ну и что хорошего получается».

Несколько последующих реплик я не сумел расслышать, но затем градус ссоры повысился, и я вновь мог различать, что они говорят.

Ко мне пришла удивившая меня мысль: а почему бы не навести самому эту пару? В обычной жизни я бы никогда так не поступил, не стал вмешиваться в чужую жизнь. Но здесь все иначе, я нахожусь в раю, где не действуют привычные правила.

Я встал и направился к соседнему дому. Накал ссоры явно усиливался и когда я приблизился к нему, то услышал, как там что-то вдруг загремело, а затем из него вылетел пронзительный женский визг. Уж не убивают ли они друг друга, мелькнула мысль.

Я бросился в дом и поспел во время. Мужчина, схватив стул, устремился за женщиной, которая в панике металась по комнате. Я бросился на мужчину в тот самый момент, когда он уже почти догнал ее и готов был ударить. Я схватился за ножку стула и что есть силы потянул ее на себя.

Мы оба упали и оба довольно сильно ушиблись. К тому же я неудачно приземлился, и у меня засочилась кровь из расшибленного носа. Женщина, которая несколько мгновений назад в испуге бегала по дому, нагнулась ко мне.

— Вам надо приложить к носу что-нибудь холодное, — довольно спокойно сказала она. — Сейчас достану лед из холодильника.

Она действительно достала лед и протянула его мне. Я приложил его к ушибленному месту.

— Извините, что я к вам ворвался без приглашения, но вы так громко кричали, что я испугался, — сказал я.

— Ничего страшного не происходило, обычная семейная ссора, — недовольно сказал вставший с пола мужчина. Он аккуратно поставил стул на место. — Вы, наверное, тот, кто должен был сегодня приехать.

— Да, это я.

— Давайте знакомиться, — предложил мужчина. — Мы супруги, поэтому фамилия у нас одна на двоих — Клепач. Меня зовут Павел, мою жену — Ирина.

— Очень приятно, а меня Леонард Алексеевич Кортнев, — представился я, по-прежнему держа лед возле носа. Кровь продолжала течь, и я то и дело вытирал ее лица. Весь мой платок был вымазан в красном и походил на революционный стяг.

— Вам лучше прилечь, — сказала Ирина. — Мы врачи, поэтому вы нам можете доверять.

Я в самом деле чувствовал себя не лучшим образом и решил последовать совету. Мои новые знакомые довели меня до дивана, и я лег. Они же

расположились рядом со мной. Сцена была довольно занятой. Я смотрел на эту мирно сидящую пару и недоумевал: неужели они только что в слепой ярости гонялись друг за другом.

Я заметил, как они переглянулись.

— Вы, должно быть, удивлены тем, что тут увидели, — несколько смущенно произнес Павел.

Я пожал плечами.

— В общем, не особенно. Я сам был женат, и мы тоже ссорились. Вот только непонятно, стоило ли приезжать сюда для того, что продолжить прежнюю жизнь. Мне казалось, что цель каждого, кто тут оказался, как раз покончить с ней навсегда.

— Вы правы, — продолжил Павел. — Мы тоже преследовали эту цель. У нас был выбор: развестись или поехать сюда. Вы видите, что мы выбрали в надежде, что тут сложится все по другому. Но, по-видимому, мы привезли самих себя в полном объеме, ничего там не оставив. Мы ссоримся из-за любого пустяка. И теперь не знаем, что нам делать. Мы хотели бы вернуться назад и там развестись. Но это невозможно. А здесь не разводят.

— Значит, надо искать какие-то варианты. Может, вам стоило жить в разных домах?

— Тут есть еще один важный нюанс, — вступила в разговор Ирина. — Мы не просто врачи, мы онкологи. Вместе работали в одном отделении.

Павел, объясни ты, мне трудно.

— Я попробую. Понимаете, за годы, что мы там работали, мы видели столько смертей, что устали на нее смотреть. Это какой-то бесконечный конвейер. Мы не могли больше жить обычной жизнью, нас отравило это зрелище. Мы даже не стали заводить ребенка, нас остановила мысль, что однажды он может заболеть раком и будет обречен на страшные страдания. А мы не хотим для своих детей такой участи. У нас начались нелады, мы дошли до того, что стали ненавидеть друг друга. Решили развестись, но тут поступило это удивительное предложение — приехать сюда. Ну и решили рискнуть, вдруг что-то получится. Мы тут уже месяц и пока ничего не получается. Что-то между нами умерло. Ваша идея жить отдельно нам тоже приходила в голову, но тут нет больше домов. Поэтому мы вынуждены жить вместе. Но вы не думайте, мы не все время ссоримся, бывают и спокойные периоды. Что-то сегодня на нас нашло.

— А можно узнать, из-за чего вы поссорились? — спросил я.

Ирина пожала плечами.

— Как всегда из-за пустяка, мы ссоримся только по пустячным поводам. Я попросила Павла вынести мусор, он у нас скопился за несколько дней, а он что-то резко мне ответил. Ну и дальше пошло по накатанной дорожке. Такое чувство, что

где-то там вверху все готово для ссоры, остается лишь здесь поджечь этот горючий материал. Знаете, как все это надоедает, изматывает.

Я хорошо это знал.

— Кажется, вы писатель? — спросила Ирина.

— Да. — Неужели и они читали мои книги?

— Может, вы дадите какой-нибудь совет, как избавиться от этой напасти. Там можно развестись и затеряться в городе, а тут все на виду.

— Я так понимаю, нас специально сюда заманили, чтобы посмотреть, как мы будем выходить из положения, — произнес Павел.

— А я, между прочим, тебе об этом еще там говорила.

— Ну и оставалась, я тебя насильно сюда не тянул.

— Не тянул. А помнишь, как ты меня уговаривал поехать, бросить все к чертовой матери, потому что ничего хорошего в этом мире нет и не предвидится.

Разговор снова перешел на повышенные тона, обе стороны явно втягивались в очередную ссору. Я решил вмешаться.

— Какой смысл выяснять, что было тогда, если все равно ничего невозможно изменить. Вы лишь выматываете себя. Не лучше ли поискать новые возможности. В конце концов мы находимся в одном из самых прекрасных мест на земле. Это же

рай. Так зачем превращать его в ад.

Как мне показалось, Павел не без сожаления переключил внимание с жены на меня. Ссориться для них стало своеобразным наркотиком и без ссор у них начиналось что-то вроде ломки.

— Вы правы, — как-то вяло произнес он, — наверное, мы так привыкли жить в аду, что подсознательно любые условия, в которых оказываемся, превращаем в ад. А вы хорошо разбираетесь в людях, — вдруг похвалил он меня.

— До некоторой степени это моя профессия, писатель обязан быть хорошим психологом. Впрочем, я больше не писатель.

— Жаль, а я бы с удовольствием почитала ваши книги, — грустно вздохнула Ирина.

— Увы, я не взял с собой своих книг. А здесь их подавно нет. Здесь, кажется, вообще нет книг.

— Да. Ни книг, ни фильмов, ни телевидения, — подтвердил Павел. — Только компьютерные игры. Но от них можно свихнуться, если больше нет ничего. Нечем себя занять. Вот приходится ссориться, все какое ни какое, а занятие, — недобро усмехнулся он. — Когда нам предложили этот вариант, мы были в таком стрессе, что по-настоящему ни о чем не подумали. Что мы станем здесь делать столько лет? Нам всего по тридцать три. Невольно начинаешь думать, что тот ад, в котором мы работали и жили, лучше здешнего

рая.

Это тот вопрос, о том, что делать столько лет, волнует здесь всех и больше всего, чем все остальные проблемы вместе взятые, мысленно отметил я.

— Но здесь есть один больной, которого вы могли бы полечить. И, кажется, у него онкологическое заболевание.

— Вы говорите о Хандруеве, — сказал Павел. — Он неизлечим. А какой смысл лечить неизлечимых больных. Этим мы как раз и занимались в своей больнице. Да к тому же он отказывается от лечения. Он живет только нас обезболивающих препаратах. Думали, что тут не будет ничего подобного, а оказалось, что рак есть везде. Даже в раю. Не кажется ли вам это странным. Если в раю есть рак, разве это рай?

Я задумался.

— Это рай для смертных, а не для бессмертных. А там, где есть смертные, там неизбежны болезни. Даже в раю.

Павел, соглашаясь, кивнул головой.

— Я тоже об этом думал. Тогда какого хрена мы тут делаем, зачем тут оказались? Никогда не предполагал, что столкнусь в своей жизни с такой бессмысленной ситуацией. Знаете, ко мне недавно пришла странная мысль. — Он выжидающе посмотрел на меня.

— И что за мысль?

— Я стал ценить смерть, я понял, какой глубочайший смысл она несет. Удивительно. Я сбежал сюда от страха перед смертью, а, оказавшись тут, стал постигать ее значение. Какое счастье что она существует, значит, когда-нибудь мы от всего этого избавимся. Я ненавидел рак, как самого заклятого и страшного врага. А теперь готов его благословлять. Но неужели для этого надо было ехать в такую даль, да еще и без права возвращения.

— По-видимому, да. — подтвердил я и задумался. — Мы тут для того, чтобы понять массу новых истин, мимо которых прошли бы в той жизни. Одну из них мы с вами только что поняли.

— Вы — тоже? — удивился Павел.

— Конечно, Над тем, о чем вы только что говорили, я до сих пор по-настоящему не задумался. Может быть, я не столь негативно, как вы, воспринимал смерть, но однозначно ее не приветствовал. Для меня она тоже была врагом. А знаете, может быть вам перед ее лицом помириться, забыть о разногласиях.

— Смерть тут ни причем, — вдруг проговорила молчавшая все последнее время Ирина.

— Почему? — удивился Павел.

— А потому что смерть сама по себе не способна ничего изменить. Это иллюзия. Если

между нами то и дело возникает напряжение, то со смертью оно никуда не исчезнет. Просто переместится куда-то в другое место. Это было бы слишком уж простое решение.

— Ты все вечно усложняешь, поэтому мы не можем ни о чем договориться. Не знаю на счет всяких там перемещений, но в чем я уверен, что для меня все будет кончено. А это самое важное. Я не готов нести ответственность за всю Вселенную. Я маленький человек, таким хочу и умереть. И никому не позволю отнять у меня такую возможность. Даже тебе, моя дорогая супруга.

— А что вы думаете? — посмотрела на меня Ирина.

Я понял, что этот спор может продолжаться до бесконечности, никто из них не только не хочет уступать, но и слушать друг друга. А в таком случае согласия достигнуть также невозможно, как сбить из винтовки звезду.

— Знаете, мне представляется, что будет лучше всего прекратить на время этот разговор. Мы все в начале пути. Давайте не торопить события, у нас будет много возможностей изменить не только свое мнение, но и свои самые устоявшиеся воззрения. Но станем это делать постепенно. Тогда и причин для ссор будет возникать гораздо меньше. Как вам мое предложение?

Я заметил, как супруги переглянулись.

— Мы не против вашего предложения, — от имени всей семьи ответил Павел.

Но мне показалось, что в целом он остался недоволен нашим разговором. Ему тут будет привыкнуть очень нелегко, мысленно отметил я.

Я понял, что настало время, когда мне следует покинуть этот дом. Если сначала я им помог завершить ссору, но теперь мое присутствие им становится в тягость.

— Буду рад видеть вас у себя, — сказал на прощание я. — Думаю, что тут можно приходиться даже без приглашения. Как только возникнет желание пообщаться, приходите.

Глава 2

Оставшуюся часть дня я провел в основном лежа. Почему-то на какое-то время желание знакомиться с другими обитателями рая у меня пропало. Мною владели весьма противоречивые ощущения, и я не знал, на каком из них мне стоит остановиться. Только сейчас передо мной, да и то крайне смутно, начала вырисовываться та ситуация, в которой оказался. Судя по всему не только я, но и многие другие не представляли, в какую авантюру ввязываются, с чем придется им тут столкнуться. А столкнуться рано или поздно каждому их тех, кто тут находится, придется с самим собой. Если

находишься столь продолжительный срок в узком пространстве, неизбежно наступает момент, когда человек вынужден искать выход из него, ибо дальнейшее пребывание в нем становится невыносимым. А так как физически выбраться с этой замкнутой территории невозможно, то ничего не остается делать, как искать, иные, совершенно не традиционные пути для выхода из тупика. И люди предчувствует наступления этого момента и боятся его, так как не представляют, что им тогда делать. Никто ни к чему подобному не готовился и никто ничему такому тут не учит. Но тогда получается, что впереди всех нас ждет немало трагедий. Кто сумеет выжить в этом раю, который постепенно будет превращаться в ад? И можно ли тут вообще выжить?

Я лежал на удобной мягкой кровати, смотрел в потолок, бесшумный кондиционер охлаждал воздух до приятной прохлады, которое ласкала мое тело. Но при этом во мне со скоростью курьерского поезда нарастала тревога. И это крайне беспокоило меня, так как я понимал, что если это чувство захватит целиком, я перестану себя контролировать, окажусь во власти ужасного невроза с непредсказуемыми последствиями.

От дальнейшего разворачивания клубка неприятных мыслей меня спас сон. А когда я проснулся, то за окном уже сгустилась темнота. И,

судя по этому признаку, мое отсутствие в этом мире продолжалось достаточно долго.

Я хотел посмотреть на часы и только сейчас обнаружил, что в доме их нет. Не заметил я, чтобы они были и в поселке. На руке у меня тоже не было часов, хотя я отчетливо помнил, что когда пришел к Мачину, они у меня были. Значит, их сняли после того, как я лишился сознания. Конечно, этот приборчик в самом деле тут не слишком нужен, спешить здесь абсолютно некуда. В каком-то смысле это то самое заветное место на земле, где время остановилось. И все же то обстоятельство, что я отныне не в состоянии осуществлять контроль за ним, меня отнюдь не радовало, я не мог отделаться от ощущения, что я лишен чего-то важного в жизни.

Я вышел из дома и замер, пораженный великолепием открывшейся передо мной картины звездного неба. Такого количества сияющих на нем точек, я еще ни разу не наблюдал. Казалось, что я нахожусь на гигантской выставке мироздания. Я смотрел на эту космическую панораму и не мог оторвать взгляда.

— Красиво? — услышал я рядом с собой чей-то голос.

Я повернул голову на звук и увидел в несколько метров от себя стоящего мужчину.

— Красиво, — согласился я.

— Мне тоже в первые дни очень нравилось, не мог взгляда отвести.

— А сейчас?

— А сейчас обычная декорация к нашей жизни. Через несколько дней вы тоже это почувствуете.

В глубине души я разделял этот прогноз, но мне не хотелось с ним соглашаться. Я не желал расставаться с тем позитивным настроем, которое породило во мне это написанное кистью природы грандиозное полотно.

— Я не тороплюсь и постараюсь наслаждаться этим видом как можно дольше, — довольно сухо парировал я.

Мужчина усмехнулся.

— А вы только представьте, на каком огромном расстоянии находятся от нас самые ближние к нам звезды. И все встанет на свои места. Мы находимся на дне бездны, которая по сути дела не имеет предела. Не слишком ли мал человек для таких просторов? Тут кроется какое-то гигантское отсутствие симметрии.

— Но человек вовсе не мал для таких просторов, все зависит от того, как понимать, что такое человек?

Голос моего собеседника прозвучал как-то пренебрежительно.

— Эти песни я слышал, но я верю лишь в

доказанную научным путем истину. А иллюзий у нас несравненно больше, чем истин, в которых мы можем быть уверены, так как они прошли проверкой практикой. Иллюзии же тем хороши, что не требуют доказательств. Они призваны восприниматься с помощью веры — самым абсурдным инструментом, что есть у человека.

— Судя по вашим заявлениям — вы ученый.

— Бывший, как и все мы тут. Вы же, насколько я понимаю, тоже уже бывший писатель.

— Разумеется. Кому нужны тут романы?

— Да они вообще, на мой взгляд, не нужны. Я еще в молодости перестал их читать, когда окончательно пришел к выводу, что они сплошь напичканы теми самыми иллюзиями, которые их авторы изо всех сил пытаются выдавать за истины. Никогда не уважал писателей, они наполняют мир собственным невежеством, сильно искажают реальную его картину. И при этом стараются нас уверить, что так все и обстоит на самом деле. По большому счету писательство — это в лучшем случае пребывание в вечном детстве. А в худшем — самое настоящее надувательство.

— Не буду с вами спорить. В той жизни я бы никогда не согласился с таким суждением, но в этой, какое это имеет значение. Я ушел от писательства, как вы ушли от своего вида деятельности. Наверное, вы очень серьезно

занимались наукой.

— Вы правы. Я был ученым. Меня зовут Праксин Олег Михайлович. — Он замолчал, кажется ожидая моей реакции на представление.

— Мне кажется, я слышал вашу фамилию. Вы — физик.

— Лауреат нескольких премий, даже был номинирован на Нобельскую, но не удостоился. О чем совсем не жалею. Теперь я понимаю, что это ничего бы не изменило. Не хочу об этом даже говорить. Вы не желаете пройти в кафе, здесь по вечерам происходит главный аттракцион на этот острове бесконечного блаженства. Я как раз туда направлялся. Не хотите ли присоединиться?

— С удовольствием.

Когда мы вместе с Плаксиным вошли в кафе, то там уже было много народа. Я увидел несколько новых для себя лиц. Но почему-то мое внимание больше всех привлекла молодая женщина. Она была весьма привлекательна, но на ее лице застыло выражение тревоги. Причем, как я вскоре убедился, это была не сиюминутная мина, оно было всегда таким. Или почти всегда. Впрочем, это мне стало известно только через некоторое время. А пока...

За столиком привлекшей мое внимание молодой женщине оказалось свободное место. Его-то я и занял.

— Меня зовут Ольга Воздвиженская, — вдруг

услышал я мягкий женский голос.

Я повернул голову и встретился с взглядом своей соседки. Мне показалось, что в ее глазах кроится какое-то напряжение.

Я тоже представился.

— Вот и хорошо, что познакомились, — сказала она с той же спокойной интонацией. — Здесь нет никакого смысла разводить церемонии. Это одно из двух преимуществ этого места.

— А какое же второе? — тут же поинтересовался я.

Что-то вдруг изменилось в лице моей новой знакомой. У меня возникло ощущение, что она вдруг натолкнулась на какую-то невидимую мне преграду.

— Я вам потом как-нибудь скажу. Обязательно скажу, вы же писатель. Я читала ваши книги.

И она читала, На меня вдруг ураганом налетела жалость оттого, что я навсегда покинул тот мир. А вдруг для меня там ничего еще не кончилось, ведь, как теперь совершенно неожиданно выясняется, мои книги пользовались определенной популярностью. А вот я об этом ровным счетом ничего не ведал. И совсем не исключено принял не верное решение. Впрочем, может быть, все наши решения верные, а кажутся нам таковыми потому что мы ждем появления

одних результатов, а получаем другие.

Я вздохнул. Скорей всего это один из тех проклятых вопросов, на которые я не найду никогда ответа.

Из потока собственных мыслей меня вырвал чей-то громкий голос. Я повернул голову в его сторону и увидел, что вещает Плаксин. Судя по смыслу того, что он говорил, можно было сделать заключение, что это продолжение разговора, начатого еще до моего тут появления.

— Поверьте, Александр Андреевич, я знаю, о чем говорю. Я пришел к этим выводам на основе долголетнего занятия наукой. Мир принципиально непознаваем, поэтому я и бросил это дело, как совершенно бессмысленное. Если наука накапливает знания, но при этом они ведут ее в тупик, зачем ею заниматься. Это просто глупо, а глупым мне никогда не хотелось быть. Мы все дальше и дальше уходим вглубь материи, но при этом обнаруживаем, что конца этого движения просто не существует. Но этот посыл в корне неверен, без начала и конца мир не может быть устойчивым. Он просто должен развалиться. Более того, такой мир невозможно создать. Попробуйте построить дом, если для придания ему прочности вы будете все углублять и углублять фундамент. Вы никогда не начнете возводить стены. И точно такая же картина с мирозданием. По большому

счету оно ничем не отличается от любого строения. А потому, уважаемый Александр Андреевич, никак не могу согласиться с вашим тезисом, что мир можно познать во всех ее пределах.

Я перевел взгляд на Хандруева, который сидел неподалеку от своего полемиста. Но с ответом он не спешил. Мне бросилась в глаза его бледность, даже изнеможенность.

— Что тут происходит? — шепотом спросил я у Ольги.

— Они спорят почти каждый вечер, — так же шепотом ответила она. — Это уже стало у нас ритуалом. Иногда к ним присоединяются другие. Особенно часто отец Николай. Если кто-то тут произнесет слово «Бог», это для него, как красная тряпка для быка, он тут же бросается в бой.

— Поймите, Олег Михайлович, — донесся до меня тихий голос Хандруева, — ваша проблема заключается в том, что вы рассматриваете процесс познания исключительно с точки зрения физического человека. Другого человека для вас не существует. А это всего лишь одно из его состояний, есть и много других. И может быть, вообще не правильно вести речь о человеке в привычном нам понимании этого значения. А, следовательно, и о процессе познания так, как мы его привыкли понимать. Это невероятно ограниченный взгляд на него. Вы не можете выйти

за пределы вашего познания только по одной причине, вы не можете выйти за пределы вашего обыденного сознания. А каждому его уровню соответствует свой уровень постижения мира. И то, что вы не в состоянии преодолеть этот рубеж, говорит только о том, что вам пора переходить на другие планы бытия. А если вы того не желаете, так уж извините, больше знаний вы не получите. Вы ошибочно полагаете, что, накапливая знания, то тем самым расширяете свое сознание. Ничего так не далеко от истины, как такое утверждение. Именно накопление и ведет к тому самому тупику, о котором вы так красочно говорили. Любое накопление имеет двоякий смысл: с одной стороны оно свидетельствует о том, что процесс зашел в тупик, а с другой — пора переходить на новый уровень. И каждый волен выбирать, что ему делать: стоять в тупике и орать, что дальше пути нет или искать продолжение процесса познания, но в другой плоскости.

— Никто еще не доказал, что эти плоскости существуют, я верю не бредням колдунов и шаманов, а научным данным. А они ни о чем подобном пока не свидетельствуют. Ваши аргументы меня не убеждают, это очень удобно находить решение всех проблем в каких-то иных, не подвластных нам реалиях. Так можно без всякого труда решать любую задачу. Раз с одной

позиции мы не в состоянии найти решения, то надо посмотреть откуда-то с другого места — и все сразу станет ясным. Ну а то, что мы понятия не имеем, что это за место и что нам с него откроется, это не важно. Извините, но к науке такой подход не имеет никакого отношения.

Плаксин с гордостью посмотрел на слушателей, по-видимому, он считал, что приведенные им аргументы неоспоримы, как приказ командира.

— Если человек желает себя ограничить в каких-то пределах, это, разумеется, его полное право, но и ответственность за такой выбор ему придется тоже нести. Даже если он этого не осознает. И то, что вы оказались здесь разочарованным в своем занятии, — прямой результат такой позиции. И если вы станете в ней упорствовать, то и тут вы не найдете желанного спокойствия. А ведь, насколько я понимаю, вы отправились в это путешествие за ним. Но это иллюзия, что его можно найти, не разобравшись в себе, в тех проблемах, которые вас мучат. А вас на самом деле мучают не тупики познаний, а собственная узость, которую вы почему-то упорно не желаете преодолевать. Сам по себе наш спор о научных истинах абсолютно бессмысленен, потому что дело не в каких-то фактах, а в том, как вы смотрите на мир. В широте вашего сознания. Как

мы можем найти общий язык, если она у нас совершенно разная.

— Они так будут спорить очень долго, — вдруг услышал я шепот своей соседки по столу. — Хотите прогуляться по берегу?

Я посмотрел на Ольгу и заметил, что у нее как-то странно блестят глаза. Она мне вдруг показалась необычайно привлекательной.

— Я согласен.

Мы встали и направились к выходу. Мой путь пролегал мимо высокого статного мужчину с красивым породистым лицом. Он недоброжелательно, если не откровенно зло посмотрел на меня. Почему-то я перевел взгляд на Ольгу и обнаружил, что она упорно смотрит вниз, словно бы не желая никого замечать.

Все это не спроста, это немая сцена возникла отнюдь не случайно. Впрочем, ко мне это не имеет никакого отношения.

Мы вышли из кафе и направились по тропинке к пляжу. Наш путь пролегал мимо строения, где можно было побеседовать с Богом. Невольно мы оба сперва замедлили шаги, а затем, не сговариваясь, остановились. Несколько секунд мы стояли неподвижно, потом вновь возобновили движение. И пока мы не дошли до кромки воды, не сказали друг другу ни слова.

Впрочем, наш разговор начался не сразу и

тогда, когда мы достигли океана. Был отлив, который обнажил песчаное дно. По нему-то мы и зашагали.

— Могу я спросить, — первой прервала молчание Ольга, — почему вы здесь? Вы же талантливый писатель, не понимаю, что вы тут хотите обрести?

Ее слова поставили меня в тупик, я снова подумал, а не ошибся ли я в своем решении?

— Нет, правда, — продолжила она, — я понимаю, зачем приехал сюда Хандруев, он замечательный человек, но безнадежно болен. Праксин зашел в тупик в своих научных поисках, супруги- врачи не знают, куда девать им ненависть друг к другу — вот и примчались в надежде, что здесь ее поубавится. Ремчуков... Она вдруг на мгновение запнулась. Тот сам не знает, зачем он здесь.

— Простите, а кто такой Ремчуков, я с ним еще не познакомился.

— Разве? — удивилась Ольга. На несколько секунд она о чем-то задумалась. — Простите, я не знала, что вы не знакомы. Обычно он тут же заводит знакомство со всеми. Вот я и полагала... Значит, познакомьтесь завтра. Но вы не ответили на мой вопрос.

Я хотел заметить, что не мог на него ответить, так как все это время говорила только Ольга, но

решил промолчать.

— Вы считаете меня талантливым писателем, но ваше мнение не совпадает с мнением большинства читателей, мои книги плохо продаются.

— Но это вовсе ни о чем не говорит, сколько писателей имеют огромные тиражи, но если разобраться, их книги написаны идиотами для идиотов.

— Вы очень сурово судите нашего брата.

— Я очень много читала, я пыталась найти в книгах решение своих проблем. Но находила в основном лишь глупости и банальности. Ими заполнены миллионы страниц. От этого становится жутко. Разве вы не чувствуете ужас при виде этой высоченной горы написанных ненужных книг?

— Может быть, я воспринимал все это не так остро, как вы, я всегда был уверен, что для того, чтобы появилась одна стоящая книга должны быть написаны сотня пустых и ненужных. Поэтому я старался терпимо относиться к этому выбросу.

— Не слишком ли большая цена за одну стоящую книгу?

Я пожал плечами.

— Мне трудно вам сказать, большая она или нет. Могу лишь заметить, что ни я устанавливаю цену.

— Вы имеете в виду Его? — Ольга

посмотрела вверх, где переливались разноцветным сиянием звезды.

— Разве не Он устанавливает в этом мире порядки. Я всегда был убежден, что все книги диктует так называемым писателям только Он, а наша задача всего лишь перенести его диктант на бумагу. Мы лишь посредники, а еще точнее обычные писари на службе Бога.

— Но что-то уж больно разные писари. Не могу поверить, что все так просто. Ведь есть, как вы говорите, писари гениальные, а есть такие, которых и читать не хочется.

— Им диктуются разные тексты, отсюда и вся разница. Так происходит во всех сферах. Когда я осознал, что мне недоступны высшие сферы, что оттуда я никогда не получу свои произведения, я решил, что должен как-то приблизиться к ним. Не для того, чтобы писать — с этим покончено, а для того... Я замешкался, так как вдруг понял, что не знаю точного продолжение этой фразы. — В общем, у меня возникло сильное желание уйти от самого себя, вернее, от того самого себя, каким я был там. И мне захотелось получить другого самого себя. За этим шансом я и приехал в этот рай.

— Как странно, но наши цели совпадают, — задумчиво произнесла Ольга. Внезапно она остановилась и схватила меня за руку. — Вы сможете мне помочь?

— Но в чем? — спросил я. Мною овладело странное состояние, прикосновение ко мне руки Ольги внезапно породило в моем теле каскад электрических разрядов. Это было столь неожиданно, что я почувствовал замешательство. Ничего подобного не происходило со мной очень давно. И почему-то я был твердо уверен, что этот этап моей жизни, когда меня волновали и воодушевляли подобные вещи, позади. — Я не знаю о вас ничего, — после паузы добавил я.

— Да, конечно, я расскажу вам, в нашей ситуации бессмысленно что-то скрывать, — сказала Ольга и отняла к меня вою руку.

Я почувствовал разочарование.

— Но если вам это тяжело, мы можем перенести ваш рассказ на другой день.

— Нет, это ровным счетом ничего не изменит. Я готова рассказать все сейчас. Хотя мне и нелегко говорить об этом с незнакомым человеком.

— Нам всем надо как можно быстрее поближе познакомиться, это залог нашего выживания тут.

— Может быть, — задумчиво произнесла она. — Хотя не совсем в этом уверена. Думаю, вы со временем меня поймете. Здесь собрались уж очень разные люди.

Я почувствовал легкий укол раздражения, я горел от нетерпения послушать ее историю, а вместо нее продолжалось бесконечное предисловие.

Я все никак не мог успокоиться после удара электрическим зарядом, которое породило прикосновение ее руки ко мне.

— Давайте не будем ничего загадывать на будущее, а лучше с максимальным толком используем настоящее.

— Я вовсе не откладываю свой рассказ, — поняла мое нетерпение она, — но мне хочется, чтобы вы лучше поняли бы ситуацию. Видите ли, с самого раннего возраста у меня проявилась одна особенность моей психики, которая лишь усиливалась с годами: я невероятно мучительно принимала решение. А если должны была выбрать из двух решений одно, то мне трудно даже передать вам, каким страданиям подвергалась. Мне было легче умереть, чем на чем-то остановиться. А жизнь, словно бы назло, постоянно подбрасывало мне ситуации, когда я была просто вынуждена выбирать. А когда не выбирала, все складывалось еще хуже. Именно так я выскочила замуж, за первого, кто сделал мне предложение, хотя никаких чувств к нему не испытывала. Разумеется, вскоре была за это наказана, наша совместная жизнь быстро превратилась в кошмар. У нас родилась дочь, но нам ничего другого не оставалось, как развестись. Я немного успокоилась и даже стала надеется, что самое худшее осталось позади. Но я не знала, что меня ждет впереди. Почти

одновременно я познакомилась с двумя мужчинами, которые оба в меня влюбились. И мне они тоже очень нравились, хотя были и разными. И я оказалась перед выбором, который была абсолютно не в состоянии сделать. И тогда я отчетливо со знала, что единственным выходом из ситуации для меня является самоубийство. Смерть стала для меня самой большой притягательной силой. Я пыталась выбраться из этой ситуации, обратилась к психоаналитику. Она меня предупредила, что если я не справляюсь со своим кризисом, меня ждет смертельная болезнь. А я ей сказала, что буду этому только рада. Наши сеансы продолжались полгода, но никаких результатов не дали. И тогда она мне предложила этот вариант. Я, в конце концов, согласилась. И вот я тут.

— Но ведь вы сказали, что у вас дочь! — воскликнул я.

— Да, пять лет.

— Но в таком случае, как вы могли с ней расстаться, я не понимаю.

— На самом деле все просто. Я обращалась не только к психоаналитику, но и к гадалке и экстрасенсу. И все они подтвердили тот прогноз, что в самом скором времени меня ждет тяжелая болезнь и смерть. А потому расставание с дочерью все равно было неизбежным. Я долго колебалась, что выбрать, и выбрала жизнь. Хотя не уверена в

правильности своего решения.

Несколько минут я шел молча, переваривая услышанное.

— А как ощущаете вы себя сейчас, влечет ли вас смерть по-прежнему? — спросил я.

— Нет, — после короткого колебания ответила Ольга. — Но я очень боюсь, что в любой миг все может возобновиться. И при этом я ничего не в состоянии изменить. Я как та самая бабочка, что летит на огонь, который ее же и опалит.

— Что вы хотите от меня?

— Не знаю. Но у меня сразу же возникло ощущение, как только вас увидела, что вы мне нужны. Вы не случайно оказались здесь, и наши судьбы каким-то образом переплетены. Вот только на горе или на радость, я не знаю. Но даже если вы принесете мне несчастье, то меня это не уж и пугает. В конце концов, это не столь уж важно, Я все равно никогда не была счастливой. Иногда мне кажется, что мне нужно что-то иное, чем просто счастье обычной женщины.

— Что же это?

— Если бы я знала. Когда я беседовала о своих проблемах с Хандруевым, он сказал, что это знак.

— Знак чего?

— Знак того, что моя истинная природа находится выше того уровня сознания, с которым я

привыкла себя идентифицировать. Мне не позволяют принимать решения, потому что эти решения не мои, так как я должна осознавать себя совсем иначе. И меня как бы подталкивают вверх. Может быть, он и прав, но я ничего не могу изменить в себе. Я даже близко не представляю, как это сделать.

— Я не представляю, чем могу вам помочь в этом вопросе.

— Я знаю и не ищу вашей непосредственной помощи. Хотя как знать, иногда у меня возникают странные предчувствия, что я ищу совсем не там, где нужно. И решение может быть гораздо ближе и проще. — Она вдруг остановилась и посмотрела на меня. — Мы должны подружиться. — Ее голос вдруг прозвучал по-детски жалобно.

— Конечно, мы подружимся. Не вижу препятствий.

— Препятствия есть, — сказала Ольга глухо.

— Какие же? — Я аж замер на месте от неожиданности.

— Не сейчас. Я и так много вам сказала. Пойдемте назад, я устала. Да и все, наверное, уже разошлись по домам. Будем считать, что этот день мы с вами хорошо прожили. Вы так не думаете?

Я мысленно пролистал, словно книгу, весь сегодняшний день. Наверное, можно признать, что он выдался, по крайней мере, не скучным.

Познакомился с разными людьми, узнал многое интересного.

Мы быстро вернулись в поселок и распрощались довольно сухо, словно бы оба остались недовольными нашей встречей. Ни в одном доме не горел свет, судя по всему их обитатели ложились спать здесь довольно рано.

Глава 3

Я вкусно и с аппетитом позавтракал и теперь намеревался идти на пляж, предвкушая радостную встречу с теплым и ласковым океаном. Внезапно дверь отворилась, и на пороге появился высокий, почти под два метра мужчина с красивым, но каким-то порочным лицом. Я вспомнил его, этот тип весьма недружелюбно смотрел на меня вчера вечером, когда мы выходили с Ольгой из кафе. Теперь же он стоял в моей комнате, небрежно прислонившись к притолоке. И хотя он пребывал в чужом доме, он явно чувствовал себя в нем совершенно свободно.

— Привет, — произнес он. — Я пришел знакомиться. Меня зовут Вадим Ремчуков. Впрочем, вряд ли тут кому-то нужны фамилии. — усмехнулся мой непрошенный гость. — Я сяду. — Это была не просьба, а уведомление о намерение. — Через несколько мгновений он уже

развалился в кресле, положив одну волосатую ногу на другую.

Я с некоторым недоумением смотрел на него, не зная, как себя вести. Я еще был не готов для себя определить, является ли подобное поведение тут нормой или мне следует возмутиться и указать наглецу на дверь. А то, что этот человек был наглецом, не вызывало сомнений, достаточно было бросить взгляд на его лицо. А потому я не нашел ничего лучше, чем весьма церемонно произнести:

— Чему обязан?

Ремчуков насмешливо посмотрел на меня, его явно забавляло мое замешательство. И вполне не исключено, что ввергнуть меня в растерянность и являлось целью или одной из целей его поведения.

Внезапно он достал из кармана колоду карт.

— Не желаешь партию. Распишем пулечку.

— Я не игрок.

— А я игрок. А на этом проклятом острове нет казино. Да даже если и было, какой в нем прок, если тут нет и денег. На что играть? Такого свинства я от них не ожидал. — Он вдруг хитро мне подмигнул. — Если постараться, всегда можно найти, что поставить на кон.

— Любопытно и что же?

Ремчуков еще вальяжней устроился в моем кресле, теперь он в нем полулежал.

— Например, на женщин. Слава богу, что

здесь есть женщины, хотя и мало. Не будь их, я бы в первую неделю повесился. — При этом он так натурально изобразил процесс повешивания, его язык вывалился изо рта, а лицо мгновенно помертвело, что мне стало не по себе.

— На женщин? — удивился я. — До сих пор мне казалось, что цивилизованные люди на женщин не играют. Когда-то этим занимались помещики, они ставили на кон своих крепостных. Но, если я ничего не путаю, те времена давно прошли.

— Те времена прошли, а затем снова наступили. Как говорят знающие люди: время идет по спирали. Если бы мы находились там, — он куда-то ткнул пальцем, — само собой понятно, никто бы не стал играть на женщин. Там играют на деньги, а уже на деньги покупают женщин. Но здесь другое дело, на что тут играть, не на морские же ракушки. Так что кроме женщин ставить на кон больше нечего.

Мною овладела одна мысль.

— Предположим, я соглашусь. А как мы будем разыгрывать женщин, на каких условиях?

Ремчуков сделал удивленное лицо.

— Ты что с луны свалился, условия самые простые: ты называешь женщину, кто выиграет, тот ею и владеет. Все по честному, я не шулер, привык выполнять свою обязательства.

— Это, конечно, крайне приятно слышать, но,

по-моему, тут есть одна маленькая загвоздочка: а как отнесется к этому сама женщина? Вдруг она не согласится с вердиктом карт?

— Ну, это уже твои, брат, проблемы, дело проигравшего освободить дорогу. А тот, кто выиграл, пускай ее добивается. Да и неужели ты думаешь, что кто-то здесь откажет таким молодцам, как мы. Бабы же от желания тут просто свихнутые ходят. Это же рай, сплошная истома, да блаженство. Все способствует наслаждению. Здесь самая фригидная из женщин превратится в нимфоманку. Уж поверь мне, я дока в этом вопросе.

— В это я как раз верю. Но вот насчет нимфомании... — Я с сомнением покачал головой. — Тут каждый со своей болячкой, так что у них есть причина для переживаний. Я так полагаю, что все гораздо сложнее. Да и приехал я сюда вовсе не для того, что спариваться, как животное.

— А тогда зачем? А понятно, решать вопрос: в чем смысл жизни? Так что ли?

— Можно сказать и так, хотя конкретно, когда давал согласие поселиться тут, я об этом не думал.

— А я вот приехал, чтобы, в том числе и спариваться. А что тут еще делать до конца своих дней. Не остров, а тюрьма. Ладно, коли уж попали в этот переплет, надо как-то устраиваться. Не собираешься же ты жить тут без баб?

— Я как-то еще не думал над этим.

— Скоро подумаешь, — пообещал мне Ремчуков. — Скоро вообще ни о чем больше думать не сможешь. С утра до вечера будет только и думать о том, как бы потрахаться. Я ж о тебе забочусь, лучше заранее полянку застолбить. А то потом если схлестнемся, пощады от меня не жди. Я на свою территорию не привык никого пускать. Предупреждаю: пожалеешь, что отказался от моего предложения. — Ремчуков, прищурившись, посмотрел на меня: — Ну, как, играем?

— А на кого?

Он вдруг громко захохотал.

— Думаешь, не знаю, о ком ты подумал. Давай на нее и сыграем.

К своему стыду я почувствовал нечто вроде соблазна.

— Извините, но такие вещи для меня неприемлемы.

Мой гость с сожалением взял колоду со стола и положил в карман. Но покидать мой дом не торопился, он словно бы чего-то ждал.

Внезапно он резко встал, и я увидел его глаза совсем рядом со своими.

— Вот что, брат, не желаешь играть, твое дело. Только предупреждаю: эта баба моя. И глаз на нее не клади. А коли положил, отведи в сторону. А если не послушаешь меня, на пощаду не надейся.

Теперь вместо глаз Ремчукова передо мной замаячил огромный его кулак.

Я едва не захлебнулся от охватившего меня возмущения.

— Ольга дала вам полномочия сделать подобное заявление?

— Не дури, какие к черту тут полномочия. Мы в раю, а когда был рай, помнишь? В жутко древние времена. А тогда женщину получал тот, кто сильней. Не желаешь в картежки перекинута, давай решим спор в кулачном бою.

Ремчуков был выше меня почти на целую голову и шире в плечах в полтора раза. В нашем поединке я мог лишь выступать в роли боксерской груши. Но и поддаваться этому наглому, неприкрытому шантажу, я тоже был не намерен.

— Я думаю, что женщины тут сами будут выбирать себе мужчин на основе своих симпатий. А право сильного тут ни причем. Мы действительно в раю, но никто не сказал, что мы должны становиться дикарями.

— А разве мы когда-нибудь ими не были, — усмехнулся Ремчуков. — Я то всегда жил в уверенности, что все вокруг самые настоящие дикари. Только тщательно это скрывают. А здесь можно и показать свои истинное лицо. Оно и у вас скоро проявится. Вот увидите, как чистоплюйство быстро проходит. Хочешь выжить, давай волю

инстинктам. Чем раньше мы все тут превратимся в дикарей, тем легче нам будет выжить. Усек, брат?

— То, что вы говорите, это ужасно.

— Ужасно, не ужасно, какая разница? Главное, что правда. Да и чем дикари хуже, чем так называемые цивилизованные людишки? Ничего, скоро все сам поймешь.

— Вряд ли это путь, на который стоит вступать.

— Ладно, надоело мне попусту лясы точить. Ты главное ради своей безопасности ее стороной обходи, а на остальное мне наплевать. И не думай, что я шучу. — Он сделал несколько шагов к выходу, затем вдруг остановился и повернулся ко мне. — Чует мое сердце, что мы с тобой еще схлестнемся. — Затем он вышел.

Я перевел дух и вытер пот со лба, несмотря на то, что в доме работал кондиционер и было прохладно. Этот разговор, если не испугал меня, то сильно встревожил. Да, в этом раю далеко на райская обстановка, и люди столь же непримиримы друг к другу, как и в той жизни, из которой мы все пришли. Если этот Ремчуков решит исполнить свои угрозы, мне не сдобровать, наши силы со всей очевидностью не равны.

И все же я не собирался отказываться от Ольги, более того, слова моего недавнего гостя только укрепили во мне решимость ее добиваться.

Назло ему, назло своему страху.

Глава 4

Общение с Ремчуковым привело меня в замешательство. Я тут всего второй день, а уже наслышался столько всего. Меня все прочнее охватывало впечатление, что атмосферу этой небольшой общины мирной никак не назовешь. И под внешним спокойствием пылают страсти, берегут души неутоленные желания и не реализованные надежды. Но я-то приехал сюда за спокойствием, за блаженством, которое было абсолютно недостижимо для меня в той жизни. Я хотел безмятежной тишины и покоя в надежде в них погрузиться с головой. И в таком напоминающем нирвану состоянии буду пребывать до конца моих дней. А в этом так называемом раю я все больше убеждался, что меня ждут совсем другие дела. Причем, некоторые вещи и явления могут тут проявляться даже острее, чем там. На такой малюсенькой территории каждый гораздо плотней и тесней соприкасается с другими, ему трудней избежать чужого влияния, сложнее остаться одному. Если в большом городе человеку трудно найти того, кто бы разделил с ним его проблемы, проявил бы сочувствие то, то здесь можно обратиться к любому, навязать кому угодно

свое присутствие. И тому просто некуда будет деться. Да, было над чем задуматься.

Я неторопливо шествовал к пляжу, стараясь по возможности задвинуть эти не слишком приятные думы в какой-нибудь отдаленный закуток сознания. А вместо них старался думать совсем о другом. С раннего детства меня преследовало одно видение, одна мечта: я нахожусь на каком-то далеком острове, вокруг пальмы, другие экзотические растения, необычные животные и птицы. Это мир вечного лета, у берега которого плещется всегда теплый аквамаринный океан.

Я не помню, откуда и когда появилась у меня это мечта. То ли подобное описание я вычитал в книжке, либо увидел что-то похожее по телевидению, но эта картина навечно застряла у меня в мозгу. И потом в самые разные ситуации моей жизни неожиданно и порой совсем не к стати всплывала в воображение. Я никогда в серьез не предполагал, что когда-нибудь увижу этот пейзаж на яву и никаких усилий, чтобы это однажды случилось, не делал. Но удивительно, это чудо произошло, я нахожусь именно на таком острове, о котором столько грезил. И это не сон, не иллюзия, не плод расстроенного воображения, это правда. Еще несколько десятков метров — и я окажусь на том самом берегу аквамаринного океана, который столько раз являлся мне виде бесплотного образа.

— Подождите, можно вас на минуточку? — услышал я за спиной чей-то голос.

Я обернулся и увидел, как меня догоняет женщина. От быстрой ходьбы, почти бега она запыхалась, пот лил с ее лба и растекался по лицу. Я вспомнил, что вчера вечером видел ее в кафе, но взглянул на нее лишь мимолетно, так как мое внимание сразу же сконцентрировалось на Ольге.

Я остановился и стал ждать, когда она поравняется со мной. Ни с кем говорить мне сейчас не хотелось. Еще мгновение назад я был погружен в свои мысли, и совсем не хотел из них уходить. А эта женщина насильно заставила меня это сделать. А потому я сразу же проникся к ней недоброжелательством.

Наконец женщина поравнялась со мной. Ей потребовалось пара минут, чтобы отдышаться после быстрой ходьбы. Судя по всему ее выносливость оставляла желать лучшего.

Пока она восстанавливала нормальное дыхание, я тоже время не терял по напрасно и внимательно рассматривал ее. Даже очень благожелательно настроенный к ней человек вряд ли мог бы назвать ее красивой. Худая и плоская, с едва обозначенной грудью, с лицом, на котором выделялся слишком длинный нос, с редкими, непонятного цвета волосами она не вызывала ни симпатии, ни интереса к себе. Такие особы

обречены всю жизнь ловить, как в пустыни капли дождя, редкие всполохи внимания мужчин.

Наконец женщина окончательно успокоилась и готова была начать беседу, ради чего, судя по всему, она и догоняла меня.

— Я знаю вас, вы Леонард Кортнев, писатель, — скорей даже не сказала, а выпалила она.

— Имею честь им быть, — сам не зная, почему столь церемонно ответил я. — Но я вас еще, к сожалению, не знаю.

— Я Шешеро.

— Простите, не понял. Кто вы?

— Шешеро, это моя фамилия. А зовут меня Елизавета. Но лучше, если вы будете звать меня Лизой.

— Хорошо, Лиза, вы зовите меня Леонардом.

— Я попробую. — Неожиданно она вдруг застенчиво улыбнулась. И мне вдруг стало стыдно, хотя ничего такого, чего мог бы стыдиться по отношению к ней, я не сделал. По крайней мере, пока. Разве только мои мысли...

— Может быть, пройдем на пляж, — предложил я.

— Нет, давайте пойдем куда-нибудь в другое место.

— Но чем вам не нравится это?

Чтобы ответить, ей потребовались некоторые

усилия.

— Там, наверное, кто-то есть, а я бы не хотела ни с кем встречаться.

Я пожал плечами, но спорить не стал. Подобное начало нашего знакомства меня как-то не слишком вдохновило. Что теперь предстоит услышать, какое сокровенное признание мне сейчас доверят. А то, что я услышу нечто очень личное, может быть, даже интимное, я уже предчувствовал. Все напряженный вид женщины наводил именно на такую мысль.

Мы пошли в сторону от пляжа и от поселка. Но моя спутница уверенно шагала чуть впереди меня, видимо она хорошо знала эту дорогу.

Так как наше молчание длилось уже несколько минут, я решил напомнить о том, что мы не просто гуляем, а идем, чтобы о чем-то поговорить. Было уже жарко и мне очень хотелось искупаться. Но Шешеро, кажется, совершенно не ощущала, как быстро нагревается воздух, она была погружена в мир своих мыслей, который по-видимому оберегал ее от внешних воздействий.

Я решил, что настал момент вернуть ее из этого мира. Там она может побывать и в мое отсутствие.

— Лиза, вы хотели мне что-то сказать, — напомнил я.

Внезапно она так резко повернулась ко мне,

что едва меня не сшибла.

— Только вы можете меня понять, никто другой здесь на это не способен. Вы как писатель хорошо разбираетесь в женской душе.

— Думаю, вы не совсем правы, — пробормотал я. Предисловие к нашему разговору меня никак не вдохновила. Когда он начинается с подобного вступления, то обычно это означает, что дальше последует какая-то просьба. Такая же перспектива мне совсем не улыбалась, я приехал сюда заниматься собой.

— Нет, я права, — уверенно произнесла женщина. — Вы тот, кто мне нужен.

— Ну, хорошо, — временно сдался я. — В чем же заключается ваша проблема?

— Я вам все скажу, — пообещала она. — Мне тридцать пять.

На вид ей было все сорок. Впрочем, она была из тех женщин, которые не уделяли должного внимания своему внешнему виду. Она даже не пользовалась косметикой.

— Я так примерно и предполагал, — сказал я, чтобы что-то сказать, так как она явно ждала от меня ответа.

— Вы не понимаете, мне тридцать пять, а у меня нет детей.

— У меня тоже нет детей.

— Вы другое, вы — мужчина, для вас это не

обязательно. Вы можете родить в пятьдесят. А я хочу ребенка, я ничего другого не хочу, кроме ребенка. А времени осталось совсем немного.

— Но почему вы его не родили?

— Я пыталась, но бесполезно. А потом врачи мне сказали, что я не могу иметь детей.

— Прискорбно. Я вам сочувствую. Но не понимаю, чем я могу вам помочь в этом случае?

— Я была здесь, в часовне у Бога. Я долго молилась, просила Его помочь. И Он сжалился надо мной и согласился меня принять. И едва я вошла, Он сказал, что раньше у меня не могло быть детей, но теперь все изменилось, и я могу зачать и родить.

— Поздравляю, — растерянно пробормотал я. Я вдруг почувствовал что-то вроде ревности, меня Бог пока к себе не призывал. И мною владело предчувствие, что если это и случится, то не скоро. — И каким Он вам предстал? — поинтересовался я.

Но мою собеседницу эта тема сейчас совершенно не волновала, она хотела говорить совсем о другом.

— Я вам говорю о ребенке, а не Боге! — даже повысила она голос. — Я могу иметь ребенка, вы понимаете, какое это счастье.

— Да, понимаю, — не очень уверенно произнес я. — Но что вы хотите от меня.

— Я хочу, чтобы вы помогли бы мне в этом

вопросе.

— Если я вас правильно понял, вы хотите, чтобы я стал бы его отцом.

— Биологически — да, но мне не нужно от вас больше ничего. Я сама со всем справлюсь. У меня будет ребенок — это самое главное.

— Но почему — я? Тут много мужчин, в том числе гораздо более привлекательных и физически сильных. Тот же Ремчуков.

На лице Шешеро появилось презрение.

— Я предлагала ему, но этого самца интересует только секс. Он и слышать не желает ни о каком ребенке.

— Но секс и зачатие — если я правильно понимаю этот процесс, в общем, взаимосвязанные явления. И лишь только раз в истории произошел этот разрыв, — не удержался я от иронии.

— Это у вас взаимосвязанные, для меня секс не имеет значения. Мне нужен ребенок, понимаете ребенок.

— Понимаю. — Я решил зайти с другого хода. — Хорошо, вы родите ребенка, но представьте, что его тут ждет. Он же окажется узником острова, ему предстоит всю жизнь провести на нем. К тому же здесь нет школы, кто его будет всему учить? Рай — это не то место, где рождаются люди, они сюда попадают после смерти. А мы, если рассудить, в каком-то смысле уже все

мертвы.

— Может быть, вы мертвы, меня это совершенно не беспокоит. Я же хочу ребенка, а на это вы явно способны. И мне нужно, чтобы вы всего лишь раз произвели со мной соитие. И больше, если не хотите, мы ни о чем не будем с вами говорить. Я же вижу, что беседа со мной не доставляет вам удовольствия.

— Но почему вы так уверены, что будет достаточно всего одного соития. Часто зачатие происходит не с первого раза.

Шешеро отрицательно покачала головой.

— Я уверена.

— Это вам пообещал Бог?

— Нет, об этом речи не было. Мне не хватило ума Его спросить. Но я так чувствую. Зачем Ему меня мучить, раз Он решил мне дать ребенка, Он даст мне его сразу. Иначе что это за Бог?

— Действительно, — согласился я. — Жалко, что вы не спросили еще и том, кто тот мужчина, на кого возлагается эта почтенная миссия?

— Но если я выбрала вас, это же не случайно, значит, Он показал мне на вас.

Пожалуй, против этого аргумента мне нечего возразить, тоскливо подумал я. Намерения Бога неисповедимы и непостижимы. Но все во мне противилось против исполнения желания этой странной женщины. Она же нетерпеливо ждала

моего решения.

— Послушайте, Лиза, я не могу вам сейчас ничего ответить, это все так внезапно. Я приехал сюда совсем не для того, для чего приехали вы. По крайней мере, я должен как-то привыкнуть к этой мысли. Не знаю, сколько на это потребуется времени, но у нас его много, Даже слишком много. Давайте подождем.

— Я ждала этой минуты столько лет, я не могу ждать!

У Шешеро стало вдруг такое выражение лица, что я испугался, как бы она не шлепнулась в обморок. А возвращать ее к жизни ничуть не лучше, чем соитие с ней.

— Я понимаю ваше нетерпение, но и вы должны меня понять. Это же будет и мой ребенок, который будет расти на моих глазах. А я не представляю, что я буду при этом испытывать.

Я вдруг вспомнил нашу совместную с Мариной жизнь. Несколько раз мы были близки от того, чтобы завести ребенка, обоюдное согласие было уже почти достигнуто, но затем в ситуацию вмешивалась какая-то незримая сила — и все разрушала.

Кажется, Шешеро поняла, что ничего другого сейчас она от меня не услышит. Ее брошенный на меня взгляд, был далек от доброжелательности.

— Хорошо, я буду ждать, — сказала она. —

Но вы совершаете большую ошибку.

В чем заключалась моя ошибка, она не объяснила, а вместо этого быстро пошла от меня прочь. Я облегченно вздохнул, хотя понимал, что существует большая вероятность того, что я лишь получил временную передышку. Эта история для меня отнюдь не закончилась. Кажется, эта дама не из тех, кто отступает от задуманного. Вот только не совсем понятно, почему я ей так приглянулся?

Впрочем, буквально через минуту я забыл про все свои переживания, связанные с этой встречей. Я был целиком охвачен предвкушением того, что сейчас снова окунусь в теплую купель океана и испытаю неземное блаженство. Но я забыл, на каком острове нахожусь.

Внезапно я услышал громкие всхлипывания. Я поискал глазами, откуда они могли проистекать, и в нескольких десятках метров обнаружил сидящего на корточках мужчину. Все его тело содрогалось в конвульсиях. Не возникало сомнений, что он рыдал.

Первый посетивший меня импульс — проشمгнуть мимо плачущего. Но все же совесть не позволила мне это сделать, вдруг этот человек нуждается в помощи. Может быть, ему плохо, у него что-нибудь болит?

Я подошел к нему и тронул его за плечо. Тот резко повернулся ко мне. Его лицо было залито

целым озером слез.

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — спросил я.

Мужчина так неопределенно помотал головой, что вывод можно было сделать любой: он нуждался, и он не нуждался в моей помощи.

— Сейчас пройдет, со мной это всегда возникает внезапно. Может застигнуть в любой момент. — Он смущенно улыбнулся.

— Могу я выяснить, что с вами происходит?

— Здесь это всем известно, почему вы должны этого не знать, — рассудил мужчина. Он говорил уже почти спокойно и только покрасневшие глаза напоминали о том, что еще полминуты назад он рыдал навзрыд. Мы пока с вами не знакомы. Моя фамилия Иохин, зовут Виктор Яковлевич.

— Кортнев, Леонард Алексеевич, — представился я.

— Я знаю, вы последний, кто сюда приехал. В этот рай. — Его голос прозвучал как-то странно.

— Он вам не кажется таковым?

— Мне ничего не кажется раем. После всего того, что со мной было.

— А что с вами было? — больше даже из вежливости, чем из любопытства спросил я. Услышать еще одну душещипательную историю было для меня почти свыше сил.